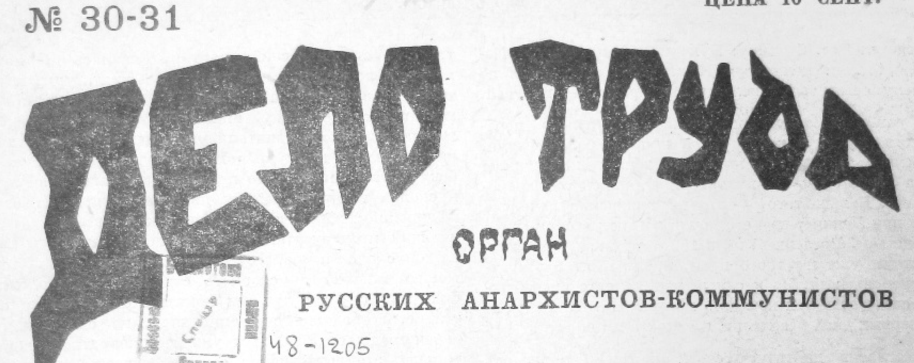
№ 30-31

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 30-31 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)
НОЯБРЬ ДЕКАБРЬ 1927

Термидорианское перерождение партии большевиков

Не требуется особых данных, чтобы убедиться в глубоком *перерождении* большевистской власти и большевистской партии за десятилетний период ее диктатуры. Правда, террористический режим ее остается как бы непоколебимым и неизменным. Неизменно государственный аппарат продолжает душить всякого, сомневающегося в непогрешности ВКП. Но самая операция удушения производится не над теми, над кем она производилась десять лет тому назад, на заре большевистской диктатуры. Хотя и тогда уже большевики проходили «каленным железом» по революционным течениям рабочих и крестьян, однако, основные удары своей машины они по необходимости направляли на контр-революционные и реставраторские течения. Течения эти давным давно ликвидированы, главным образом, революционными силами самого народа на местах. От них в самой России не осталось и следа. Между тем аппарат удушения работает с прежней неослабевающей энергией. По прежнему идея свободы печати — конечно, пролетарской, — слова, организации преследуются. Тот факт, что в числе преследуемых теперь находятся такие заслуженные деятели большевизма, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смилга и многие другие, показывает, в *каком направлении* развивается деятельность аппарата удушения, и в *каком смысле* происходит перерождение партии большевиков. Нет ни малейшего сомнения в том, что перерождение это происходит в опрeделенном капиталистическом смысле. Больше того, — оно уже произошло. Лишь прикрытое различными маневрами и банальными фразами от социализма, оно укрывается от постороннего взора и прежде всего от взора трудящихся. Крутой поворот в 1921 году от коммунизма к нэпу, уже знаменовал собой отступление большевиков с социалистических позиций на капиталистические. Шесть лет нэповской практики вполне освободили компартию от социалистических иллюзий, дали ей хороший капиталистический закал и решительно внедрили ее в сферу капиталистического строительства.

Для нас, анархистов, с самого начала имевших тяжбу с большевиками по кровным вопросам революции, такое перерождение партии было предвидено. Оно теперь подтверждается целым рядом виднейших руководителей большевизма. Троцкий, Зиновьев, Преображенский, Сапронов и ряд других крупных фигур большевизма решительно обвиняют партию уже не в отдельных уклонах от заветов октября, а в настоящем бонапартизме, берущем рабочий класс в железо и идущем навстречу новым капиталистическим классам пореволюционной России.

Оппозиция «15-ти», руководимая Смирновом и Сапроновым, заявляет, что нынешнее партийное руководство *предало* идею коммунизмма, что ГПУ борется теперь, главным образом, не с контр-революционерами, а с рабочими, что красная армия, отданная в руки «старых офицеров и кулацких элементов деревни» представляет силу, удобную для авантюр бонапартистского пошиба. «На фабриках все более устанавливается неограниченная власть администрации. Внутренний распорядок на фабрике все более приближается к дореволюционному».

По неоднократному заявлению Троцкого, выступающего во главе об,единенной оппозиции, ось большевистской партии круто повернулась слева направо, и партия вступила в полосу откровенного «термидорианского перерождения, т.е. перерождения, направляющего партию на союз с новыми капиталистическими классами.

Однако, слабой стороной оппозиционной критики является то, что термидорианское перерождение партии она приписывает ошибочному поведению нынешних

руководителей ее. Сталину, Бухарину, Рыкову и т. д. Измени, де, Сталин политику ЦК партии и последняя по прежнему останется революционной рабочей партией.

На самом же деле причина буржуазного перерождения партии лежит в *самой природе* большевизма. При Ленине, также как и при Сталине партия *неминуемо* должна была стать на путь термидорианского перерождения. Больше того, — это перерождение началось именно при Ленине, по его почину и под его прямым руководством. Введенный им в 1921 году нэп, не оставлял партии уже никакого пути, кроме пути буржуазного перерождения. Но и самый нэп является неизбежным последствием тех позиций, которые большевизм занял с первых дней революции и захвата им власти.

Провозгласив диктатуру своей партии, большевики *тем самым* отстранили от хозяйственного-политического строительства главные силы революции — производственные организации рабочего класса. И не только отстранили их, но повели это строительство помимо и *вопреки* интересов и воли рабочего класса. Об этом убедительнее всего говорит фактическое положение рабочих, имеющих на десятом году диктатуры компартии потовыжимательную систему наемного труда, нищенское вознаграждение и отсутствие каких бы то ни было экономических и политических прав. Но и простое сообра жение сразу вскрывает антирабочую политику большевиков в революционный и пореволюционный период. Ведь если бы хозяйственная политика большевиков строилась в *соответствии* с основными интересами рабочего класса, то самим ходом хозяйственного строи тельства были бы призваны и поставлены на его руководящие места производственные органы рабочего кла - са. Как рабочая революция не может быть совершена без инициативы и сознательного участия рабочего класса, так и строительство подлинного рабочего хозяйства не может быть совершенно без инициативы и прямого участия масс. Это особенно относится к русской революции, принявшей свой специфический социальный характер благодаря социальным лозунгам и требованиям масс и пришедшей к победному перевороту опять таки благодаря революционной активности и инициативы масс.

Успех захвата власти вскружил голову большевикам, отшиб у них память. И они стали строить новое хозяйство в порядке чисто партийных директив, поставив при этом рабочий класс и его производственные и представительные органы (профсоюзы, фабзавкомы и советы) в унизительное подчиненное положение.

Дело, конечно, не в том, что успешный захват власти большевиками вскружил им голову, а в том, что большевизм по своей природе и по своим замыслам всегда был враждебен идее непосредственного самоосвобождения и самоуправления рабочего класса. Всегда своей основной задачей он ставил осуществление *партийной программы* через установление *партийной диктатуры* в стране. Социальная революция в 1917 году ввиду слабости профдвижения в стране и отсутствия сильной антигосударственнической партии, явилась благоприятным полем для установления этой диктатуры. И партия с первых же дней своего господства насильственно повела свою политику, вначале в формее насаждения государственного капитализма (именуемого большевиками военным коммунизмом), а затем в форме нэпа. Рабочий класс, в лице его производственных органов, допускался к строительному процессу лишь в качестве подчиненной партии силы, лишь в качестве ячеек, испол няющих предначертание свыше, но он принципиально не допускался к процессу в качестве хозяйственного гегемона, главного и основного строителя нового хозяйства. Это служит лучшим показателем того, что само здание, возводившееся компартией, не было зданием рабочего класса. Как мы уже неоднократно говорили раньше, это было здание социалистической тинтеллигенции, исстари претендовавшей на свою социальную и историческую миссию в современном капиталистическом обществе. Первые два-три года революции, в виду возникшей во многих местах гражданской войны, большевизм еще отдавал дань революционной атмосфере и топтался около первоначальных лозунгов социальной революции. С ликвидацией гражданской войны он решительно перешел к нэпу. Что экономические и социальные права трудящихся еще более сжимались, его мало заботило. Главное для него было — укрепить свое политическое и экономическое господство в стране. А это нэп давал в значительной степени за счет прав и трудов рабочего класса. Классовая природа и классовые интересы господства оказались могущественнее таких «сантиментов», как справедливое отношение к правам трудящихся. Вот где первопричина термидорианского перерождения большевизма. Причина эта в течении десяти лет двигает большевистскую партию все вправо и наконец довела ее до положения, против которого восстал ряд виднейших деятелей большевизма.

На одном из собраний московского партактива Рыков, выступая против оппозиции заявил, что оппозиция оказалась бессильной подвести экономическую базу под ее тезис о термидорианстве и вырождении партии. Рыков прав в отношении тех оппозиционеров, которые буржуаз ное перерождение партии об,ясняют теперешней политикой Сталина и Бухарина. Но Рыков совершенно неправ, утверждая, что перерождения партии нет, ибо нет для этого экономической базы. Есть и то и другое. Советская власть в огромной степени пошла навстречу новой пореволюционной буржуазии. Достаточно указать, что по данным рабоче-крестьянской инспекции к осени 1926г. в середняцких хозяйствах и хозяйствах «крупно-посевных и эксплуататорских» (термин Я. Яковлева, Правда, да, N1‾0) работало два миллиона батраков. Рост «крупно-посевных и эксплуататорских хозяйств», идет, конечно и дальше. Рабочий класс в городах является наемником и предметом эксплуатации определенных привиллегированных групп, которые формально хотя и укрываются за спиной государства, но фактически являются хозяевами промышленности и ее доходов». Это прежде всего — верхи партии. Затем партийные и государст вен

ные чиновники, спецы и, наконец, все прочие, приставленные к делу потовыжимания из рабочего класса. Вся эта многочисленная фаланга «государственных хозяйственников» представляет собой определенную экономическую категорию, живущую за счет государственной промышленности, т. е. неоплаченного труда рабочих и за счет поборов с крестьян. Ее единственная функция состоит в том, что она яростно поддерживает власть, с существованием которой тесно связаны ее экономические и политические привиллегии.

Таким образом, хотя Сталин и Рыков и именуют свой нынешний режим социализмом, — за спиной этого режима стоят привиллегированные экономические группы, которые, главным образом и обслуживает большевистская власть за счет труда и прав трудящихся города и деревни.

Нынешние руководители Центрального Комитета лучше других знают эту экономическую базу термидорианского перерождения партии. Они не только создали ее, они *отстаивали* ее, борясь сначала с анархизмом, а затем с оппозицией в собственных рядах. Они крепко держатся за эту базу, считая ее единственно надежной для дальнейшего сохранения партийного государства в стране. Поэтому то они столь решительно расправляются со всяким, кто так или иначе мешает им укрепить эту базу.

Исключение из партии Преображенского, Серебрякова, Троцкого, Зиновьева; далее исключение из центр. комитета Каменева. Раковскаго, Смилги, Евдокимова. и многих других вождей большевистского октября; наконец, вхождение большевиков в комиссию Лиги Наций по разоружению, — все это является верным признаком того, что партия решила окончательно освободиться от беспокойных элементов, живущих «бреднями октября» и прочно осесть на солидной капиталистической базе. Нет никакого сомнения в том, что предстоящий 15-й с'езд партии, поскольку ему удастся совсем ликвидировать оппозицию, обрубит последние нити, связывающие партию с октябрем, и введет большевистский корабль в царство торжествующего капитала. Аппарат удушения, давно уже работающий против трудящихся, послужит при этом гарантией полного успеха. Термидорианское перерождение партии будет завершенно.

Рабочий класс России, более чем когда-либо поставлен под угрозу смертельной опасности порабощения государством, которое под обманом социалистических фраз проводит волю международной буржуазии. Не имея ни своих независимых рабочих организаций, ни своей политической организации, которые бы могли повести борьбу с государством за социальное и политическое право труда, рабочий класс в буквальном смысле слова является *разоруженным* перед лицом хитрого, настойчивого и ни перед чем не останавливающегося врага. Ему необходимо приложить все усилия, чтобы теперь же воссоздать органы своей классовой самозащиты и своего классового самоосвобождения. Кровавый опыт последнего десятилетия говорит, что воссоздание этих органов лежит, конечно, не на путях меньшевизма и не на путях оппозиции (последняя оставляет в неприкосновенности коренные язвы *партийной диктатуры*), а исключительно на путях коммунистического анархизма, борющегося против государства, как основы всякого эксплоататорского строя.

Создание массовой анархо-коммунистической партии и раскрепощение профсоюзов является жизненной необходимостью для рабочего класса России в его борьбе с хозяином—государством большевиков. *П. Аршинов*

7-ЧАСОВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В РОССИИ?

Русское Государство-Хозяин соблаговолило даровать своему пролетариату надежду на применение семичасового рабочего дня.

Еще месяц тому назад в строгом «плановом хозяйстве», которое грозится предопределить ход промышленности на целых пять лет вперед, ни один голос не раздался, чтобы сократить продолжительность дневного труда. И вот внезапно к годовщине «подарочек» оказался возможным. В чем дело ?

Части правящей интеллигенции, собравшейся вокруг Сталина, мечтающей о процветании своей власти хотя бы в изолированной стране, оказалось необходимым выкинуть лозунг достаточно крикливый ,чтобы заглушить призыв другой прослойки интеллигенции, об'единившейся вокруг оппозиции, не потерявшей надежды на победу своих классовых собратьев и в других странах; оппозиция почуяла недовольство рабочих и думала сыграть на нем; сталинцы пытаются взять тоном выше, тсюда шумиха о семи часах.

Правительственные данные указывают, что этот переход не явится резким скачком ввиду того, что в России уже теперь средний рабочий день длится якобы 7,4 часов. (Доклад Куйбышева иностранным делегациям. Труд. 5-11-27). «Ловкость рук» в этой проделке состоит в том, что никогда статистики из прислуги Сталина не об'яснили, как выводится эта средняя. Повидимому для сокращения общей средней пользуются всеми теми отраслями производства, где на самом деле царствует частичная безработица, и где применяется сокращенная рабочая неделя или временные остановки, как в печатном деле или на льняных фабриках.

Действительно, достаточно отвернуться от группы фокусников статистиков из Центра и присмотреться к данным, идущим из низов, чтобы убедиться , что не только нет речи о семи часах с половиной, но что и восьмичасовый рабочий день самым грубым образом нарушается применением сверхурочных работ.

Напрасно Рыков в своих излияниях перед иностран-

ными делегатами пытался вбить им в головы, что сверхурочные работы применяются только при сезонном труде.

Ведь не даром же представитель ЦК железнодорожников Калашников, мог заявить на последнем с'езде профсоюзов, не встречая возражений, что «нормы рабочего времени на транспорте ни на одной дороге не проводились несмотря на существующее на сей счет положение, утвержденное наркомтрудом». Труд. 14-12-26 г.

О положении рабочих нефтяников в этом отношении речь будет итти ниже. Здесь же достаточно отметить, что согласно результатам обследования коммиссии Наркомтруда «35% рабочих Азнефти не пользуются выходным днем». (Труд. 5-5-27 г.) Хорошему примеру государственных предприятий последовали и частные хозяева; таким образом, в городе Баку установлено, что в частных предприятиях «12 часовый рабочий день обычное явление». Труд. 13-Х-27 г.Нечего и говорить, что в такой области как домашний труд, хозяева распоясались во всю. На последнем с'езде московских профсоюзов представительница домашних работниц Токарева установила, что эти трудяшиеся вынуждены работать 12-14 часов в сутки. Труд. 16-Х-27 г.

Доказательством того, что нарушения 8 часового рабочего дня поражают не отдельные производства или местности, может послужить тот факт, что «37 % рабочих украинской промышленности работают сверх урочно». Труд. 6-Х-27 г.

Там, где Государство-Хозяин может использовать предлог сезонного труда, оно нападает на 8 часовый рабочий день в открытую. «Дело Труда» уже привлекало внимание русских рабочих к проекту востановления 10 часового трудового дня в стороительной промышленсти (Труд. 21-⁻-27 г.). С другой стороны на последнем с'езде водников поставленный тов. Ивановым — боцманом волжского парохода — вопрос о систематических нарушениях 8 *часового рабочего дня* на судах встречает живейший отклик. 8 часового рабочего дня как для нижней, так и лля верхней команды почти не существует». Труд. 13-8-27 г.

Даже для профессий, требующих особого нервного напряжения в связи с ответственностью за чужую жизнь, хозяйственники не постеснялись удлинить дневной труд, например, на авто-транспорте. И это не только в захолустных городах, как г. Эллисте, Калмыцкой области, где местный сатрап заставляет шофферов работать 18-20 часов сряду, не вызывая возражений со стороны профсоюза. (Труд. 4-11-27 г.) Нет, в центре мирового коммунизма в «красной Москве», рабочий день на автобусах достигает 9-10 часов» (Труд.(9-8-27 г.).

Не щадит Государство-Хозяин ни женщин, ни детей. «Труд торфоразработчиков, из которых 10% женщин, легким назвать нельзя; 10 часовый рабочий день в согнутом пололжении дает себя чувствовать», говорит корресподент из Костромы (Тр. 4-6-2 г.) ... На разработке «Чистый мох» торфяницы работают нередко по 14 и 16 часов в сутки без оплаты сверхурочных, так как хозорган на эту оплату не соглашается».

Пленум ЦК сельско-хозяйственных рабочих должен был признать, что необходимо ограничить длину рабочего дня 10 часами и запретить ночные работы для детей; до сих пор правительство не нашло нужным ответить на это пр дложение, опубликованное в Труде 1-6-2.

Ясное представление, как о поведении Наркомтруда, так и об отношении верных лакеев из профсоюзов, подчиненных правящей партии, дает следующая выдержка из Труда от 24-3- 27 г. Отметив, что Наркомтруд разрешил за 1926 г. в г. Баку 12.119723 сверхурочных часов, т.е. 86% из всех, на которые было запрошено разрешение. Труд говорит: «Это сверхурочные работы, которые делаются оффициально так сказать с благословения Наркомтруда. Никто не знает, сколько сверхурочных делается без разрешения, сколько прячется под видом всяких нагрузок»; никто не может подсчитать эти сверхурочные.

... Сверхурочные делаются с разрешением и без разрешения. на заводах и предприятиях. Профсоюзы применяют сверхурочные, обходя кодекс труда. «Сверхурочные разрешаются на 86 % запрашиваемых Н.К.Т., призванным наблюдать за правильным применением кодекса труда.

Кто же борется тогда против этой безпорядочной траты народного достояния? Никто!»

Заключение, вытекающее неизбежно из такой оценки положения, это создание рабочих групп, следящих за строгим соблюдением 8 часового рабочего дня; об,единившись рабочие могут вернуть свои союзы на путь классовой борьбы; об,единившись на этой почве они действительно вырвут в будущем у Государства-Хозяина и 7 часовый день труда и тогда это будет прочным завоеванием, а не призрачным «подарком».

Н. ЛАЗАРЕВИЧ

ОППОЗИЦИЯ И РАБОЧИЕ

В острой борьбе, происходящей между большинством и оппозицией ВКП, каждая сторона аппелирует к тому, чьим представителем она себя облыжно называет: к русскогму пролетариату. Сталин великодушно обещает в манифесте 7-ми часовый рабочий день в ...неопределенном будущем, а Троцкий с Зиновьевым занимаются разоблачениями, вскрывающими кулацкий характер сталинского правительства. «Привилегии рабочих упраздняются, зато представляются льготы крестьянам», говорит Зиновьев, — «Безработица растет. Продовольственный кризис обостряется». Оппозиция требует более пролетарской политики, режима угнетения кулака в деревне. Чувствуя, что бо льшинство партии, одоляющее политику Сталина, давно уже не представляет

«пролетарского авангарда», а правительство Сталина опирается на кулачество, оппозиция пытается вернуть партию на пролетарские рельсы, сделать ее представителем рабочего класса. Оппозиция, имеющая корни в низовых рабочих ячейках чувствует, как велика нужда рабочего класса в настоящей рабочей партии, какая большевикам грозит опасность, если другое революционное течение создаст мощную рабочую организацию. И поэтому -то оппозиционеры на собраниях ЦК и ЦКК партии грозили большинству рабочим классом. «Здесь вы сильны» — кричал Евдокимов: «но па фабриках и заводах мы вас побьем».

Действительно, нужда в рабочей партии, реально борющейся за рабочие интересы, в Сов. России огромная. И в этом оппозиция права. Весь вопрос заключается в том, могут ли Троцкий и Зиновьев бороться за подлинную рабочую партию. Конечно, первая задача, поставленная ими себе, не благодарная и заранеее обречена на неуспех. Повернуть большевистскую партию в целом на пролетарскую дорогу вещь невозможная, ибо ВКП является в своем большинстве партией государственных чиновников, директоров и коммерсантов, ничего больше с пролетариатом общего не имеющих. Но может ли оппозиция хотя бы как «рабочая фракция» представлять интересы рабочих? В этом тоже приходится сильно сомневаться. В самом деле. Рабочим предже всего необходимо завоевать элементарное право стачек. Задушенные государственным капитализмом, они не имеют свободных профсоюзов, которые защищали бы их интересы. В таком положении помагать стачкам хотя бы и экономического характера, может только революционная рабочая партия. Оппозиция ВКП такой роли взять на себя не может. Участница диктатуры, желающая ее продолжения, она не может выступить инициатором в борьбе, которую рабочие ведут на фабриких и заводах с «хозяйчиками» этой диктатуры.

Может ли оппозиция бороться за свободу рабочей печати, сло а и собраний? На этот вопрос также придется ответить отрицательно. Правда, оппозиция требует свободы слова, печати и собраний, но только внутрипартийных. И она, как и вся партия в целом думает, что за рабочего говорить, писать и мыслить должен ...партиец. При такой постановке вопроса рабочим от оппозиции ждать помощи никакой нельзя. Не выставляет оппозиция также требований социальнего характера, как рабочий контроль на фабриках и заводах, ответственность администрации перед рабочими предприятия. Словом, желая опираться на рабочий класс, оппозиция однако ничего дать ему не может, кроме разве тех «привелегий», о которых горюет Зиновьев, когда они отбираются Сталиным.

Но если даже «левое» крыло коммунистической партии в силу своей природы не может вести настоящей рабочей политики, то тем больший долг и обязанность революционных анархистов стать застрельщиками в борьбе рабочего класса. Отрицая партийную диктатуру над пролетариатом, веря в творческие силы масс и не преследуя своих «партийных» целей, анархическая партия могла бы теперь в России стать истинным вождем рабочих масс. Но для этого необходима крепко спаянная организация, единение наших сил одной программой, одной целью, т.е. то, за что мы в последнее время боремся. Пока мы будем раз'единены и разрознены, мы никакого влияния на рабочие массы оказывать не сумеем. А между тем мы в России теперь единственное лево - революционное теченние, способное помочь рабочему движению. Оставаясь пассивными, мы совершаем преступление, толкая разуверившиеся массы в об'ятия меньшевиков и эс-ров, т. е. тех, кто только ждет случая на спинах легковерных масс поскорее добраться до государственного пирога. *Я. Л.*

II

События в России мчатся с головокружительной быстротой, трудно успевать их освещать. Во время печатания Д. Тр., статья, сегодня написанная, назавтра уже оказывалась несколько «отставшей». Так наша передовая только предвидела то, что уже совершилось к выходу номера. Троцкий и Зиновьев уже больше не члены ВКП и циркулировали уж даже слухи об убийстве Троцкого из-под угла. L'Humanité это со скромным видом опровергала, мол, на деле не подтверждается.

Что больше всего поражает в этих событиях, это дух предательства, носящийся в атмосфере компартий. Факт этот очевидно не случайный, а продукт известной линии партийного воспитания и партийных взаимоотношений, а также результат времени и метода конструирования этих партий.

Западные друзья и единомышленники Троцкого проявляют крайнюю растерянность, нерешительность и даже трусость. Отчетливо сознавая грозящую ему смертельную опасность, они не решаются выступить на его защиту перед пролетариатом Запада.

Трудно-указать на какое-либо лицо из всех оттенков оппозиции, которое до конца осталось бы верным себе и своим позициям.

В 1921 г. вся нынешняя оппозиция вместе с Лениным аттаковала «рабочую группу». Члены последней, очевидно, этого не забыли. Как снег на голову явилась статья Коллонтай, напечатанная в Правде. Коллонтай, которая уже в 1921 г. предвидела роковой путь компартии и указывала на необходимость передачи промышленности в руки профсоюзов, теперь в 1927 г. вдруг присоединяется к сталинскому большинству.

Опубликованная статья полна каких-то иезуитских выкрутас. Она и не за большинство, но зато на оппозицию нападает со всей силой ненависти и мести за прошлое. Не сумела подняться выше во имя интересов революции. Правда, есть в ее аргументах большая доля истины, но истина эта ни в коем случае не может подсказать ей необходимость присоединиться к Сталину.

«Тот факт, о оппозиция, задерживая волю масс, говорит от их имени, приводит массы в ужасный гнев. «Подумайте, какие нашлись защитники! «Кто их уполномочил говорить от нашего имени», приводит она разговоры рабочих.

В другом месте она говорит: «Масса не верит в оппозицию. Она принимает все декларации оппозиции с улыбкой. Думает ли оппозиция, что у масс такая короткая память? Если есть в партии недостатки, если есть ошибки в ее политической линии, кто же автор этого всего, если не наиболее видные члены оппозиции?».

Все сказанное здесь Коллантай верно. Действительно необходимо противодействовать уже возникающим легендам о прошлом оппозиционных героев; пусть не повторится история с «серой наполеоновской шинелью». Главари нынешней оппозиции были первыми узурпаторами прав трудящихся и этого не следует забывать. Но теперь своей критикой буржуазного перерождения партии и диктатуры они делают дело, могущее помочь пролетариату выйти из состояния оцепенения. И это следует понять рабочими и не преминуть сделать из этого соответствующие идейные и практические выводы.

Конечно, оппозиция и так уже достаточно наказала сама себя тем, что путаясь в рамках «партийной демократии», она не сумела выбросить общепролетарских лозунгов, которые зажгли бы сердца всех пролетариевРоссии; вместо этого она заговорила старым языком, клянясь Лениным (а им же одновременно клянется и большинство). Это последнее приелось не только рабочим, но и многим оппозиционерам. Так передают, что на состоявшемся об'единенном совещании трех оппозиционных течений Шляпников решительно восстал против пункта о «возвращении к режиму Ленина в партии». ; он находит, что Ленин также давил партию, как давит ее теперь Сталин.

Но все же, не входя в подробности оппозиционной программы, которой на самом деле вовсе и нет, и не слишком ей доверяя, надо все же понять, что вскрывая глубоко-капиталистическое перерождение страны и власти, оппозиция в данную минуту делает революционное дело. Кто в борьбе с ней присоединяется к сталинскому большинству, тот вольно или невольно помогает этому самому капиталистическому перерождению страны и приближает термидорианскую развязку революции.

В статье Коллонтай мы находим еще какой то лепет о трудовой дисциплине, которую оппозиция будто нарушила и за что рабочие, мол, им никогда не простят. Что-то говорится о сознании рабочего, что *он* строит остов новой жизни. Для чего она лжет и кто ей поверит? Что заставило ее себя так заплевать морально и политически и вместе с Милюковым ждать победы Сталина? Что это сила мести или психология устроившегося полпреда?

Что бы то, впрочем, не было, а по отношению к рабочему — предательство.

И. М.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНАРХИЗМЕ И СИНДИКАЛИЗМЕ

В последнем номере «La Voix du travail», органе МТР на французском языке, появилась статья, направленная против «Организационной платформы».Статья эта была приурочена к кануну конгресса Французского Униона анархистов-коммунистов и носила характер предостережения против увлечения конгресса «платформистскими» тенденциями. Написанная синдикалистом статья содержит в себе критику отдела платформы о син-

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ

II

Организация и партия *)

Задача организации анархических сил поставлена авторами «организационной платформы» на первое место среди всех вопросов, связанных с будущею судьбою анархизма и с практической работой под анархическим знаменем. В отсутствии крепкой организации заключается для них главная причина слабого влияния анархистов во время русской революции; в создании такой организации, в образовании анархической *партии*, они видят залог более плодотворной работы в будущем и первое условие успеха. Это слово «партия» само по себе уже вызывает споры: может ли у анархистов существовать «партия»? Все зависит от того,что понимать под «партией».

«Партией» можно называть просто совокупность *одинаково мыслящих людей, согласных между собой и в целях и в путях их достижения*, даже если между ними не существует никакой формальной связи, даже если они и не знают друг друга. Чем мысль их более едина и чем они более согласны между собой в ряде частных вопросов, тем больше приложимо к ним понятие «партии». О такой именно «великой партии труда» поется в Интернационале. В таком именно смысле говорится об «анархической партии» у Кропоткина, у Малатесты и у других, особенно старых, деятелей нашего движения. В этом же смысле русские революционеры 70-х годов называли себя «социально-революционной партией», хотя были сгруппированы в кружки, совершенно свободно связанные между собой простыми личными сношениями и не подчиненные никакой формальной дисциплине, не говоря уже о какой-нибудь центральном руководящем Комитете. В этом смысле, «анархическая партия» всегда

*) *Печатается в порядке дискуссии.*

дикализме. Собственно, сама критика эта ничего нового не дает; здесь мы находим повторение старой формулы «синдикализм самодовлеющ». Нет здесь ни тени приспособления к новым экономическим и историко-политическим условиям.

Прежде чем отвечать критикам, следовало бы точнее обозначить, что кто разумеет под синдикализмом. Это может показаться запоздалой работой, но разноголосица в этом вопросе особенно за последнее время, заставляет еще раз поставить этот вопрос ребром.

Не говоря уже о смешении синдикализма реформистского и революционного, границы между которыми никто до сих пор не установил и которые определяются лишь оценкой его практики в данный период, приходится устанавливать и в самом революционном синдикализме более точные определения.

Если понимать под синдикализмом все течения рабочей мысли, в которых профессиональным организациям рабочего класса отводится значительная роль в революционном строительстве, то и коммунисты некоторых оттенков и анархисты и чистые синдикалисты могут себя считать в той или иной степени синдикалистами. Очевидно, вся суть вопроса состоит в том, *какую* роль признавать за профсоюзами.

Большевики (по крайней мере их оффициальное течение) признавали за профсоюзами роль второстепенных проводников партийных директив. Главной революционной силой и фактором считается партия. Самостоятельной конструктивной роли за профсоюзам даже на второй день революции они не признают. Но были в русском большевизме течения, считавшие профсоюзы единственными полномочными органами социального строительства после переворота; такую тенденцию имела в 1921 году «рабочая оппозиция» с Шляпниковом и Коллонтай во главе. Приблизительно на той же точке зрения стоит теперь так называемая «Ligue syndicaliste» *) во главе с Монатом. В последнем номере «La Revolution Proletarienne» Монат пишет о положении в России:

...«приказывает партия со всей своей бюрократией, с железной дисциплиной, партия превосходная для завоевания власти, но беспомощеая на второй день революции пустить в ход общественную машину. Для классовой войны милитаризованная партия играла большую роль. Для реорганизации экономической жизни *нужны другие учреждения, проникнутые другим духом чем партия*, независимые от нее, доминирующие над ней, вместо того чтобы над ними доминировали; большевики, ослепленные ролью партии, не видели всей важности роли, которую должны играть синдикаты в организации производства. В большом коммунистическом механизме недостает приводного ремня, который пустил бы в ход синдикальную силу; этой силы остерегаются, ее опекают, ей не дают возможности оказать те услуги, которые она способна оказать рабочему классу и революции».

Из только что приведенной цитаты мы видим ясный взгляд на роль профсоюзов, которым приписываются конструктивные функции. Такое течение имеет освнование считать себя синдикалистским.

Революционные синдикалисты признают за рабочими ми синдикатами и организующую и конструктивную роль. Для них синдикат одновременно и политическая организация и орган, призванный перестраивать экономическую жизнь общества. Роль синдиката самодовлеюща

Ligue Syndicaliste *составлена из групп, входящих во все три существующие теперь во Франции Конфедерации Труда, и имеет своей целью борьбу за восстановление единого синдикального фронта.*

существовала. Больше того: существовали всегда в анархическом движении и организации более формального типа — постоянные федерации групп, об'единяющие или несколько групп одной местности, или ряд групп в данной области или в данной стране. Такие федерации были всегда обычной оргнизационной формой анархического движения — и в Западной Европе и в России.

И в этом отношении выдвинутый «Платформой» проект еще одного «Союза» русских анархистов не представляет собой ничего нового. Но новое в нем другое: «Платформа» стремится изменить самый *основной характер* организационной связи, до сих пор принятый в анархической среде, ту, так сказать неписанную «конституцию», которая всегда, как нечто само собой разумеющееся, кладась в основу каждой анархической организации. В своем желании внести в движение большую организованность, авторы «Платформы» предлагают образовать анархическую «партию» по иному типу, по типу общепринятому у других партий, с обязательными решениями большинства, и руководящим центральным комитетом и т.д. От образования такой партии они ждут исцеления от многих из тех зол, которыми страдает наше движенлие.

Замечательно, что опыт русской революции, где так ясно обнаружилась вся непригодность партийной диктатуры к руководству общественной жизнью, не только не заставил наших товарищей задуматься над вопросом: каким *иным* организациям должно принадлежать первое место в революционной работе? а наоброт, создал в них тягу к сильным, централизованным партиям. И это — не только среди русских товарищей. Вот, например, только что закончившийся конгресс французских анархистов. Созданный в прошлом году на Орлеанском конгрессе «Анархо-коммунистический Союз» принял с самого начала известную принципиальную декларацию, в которой определенно отмежевался от анархистов индивидуалистического типа и провозгласил ряд основных положенией, касающихся, как общественного идеала анархизма, так и путей его борьбы. Эта декларация была теперь вновь принята, как основная хартия Союза, а затем конгресс занялся выработкой *статутов* Союза. И вот в этих-то статутах и проявилась новая централизаторская тенденция, противоречащая

Как мы видели выше все перечисленные типы синдикалистов имеют *свою* идеологию, для проведения которой они призывают к работе синдикаты.

Мы, ядро организующейся русской анархо-коммунистической рабочей партии имеем полное основание считать себя синдикалистами постольку, поскольку мы единственно за профессиональными рабочими организациями признаем роль строителей социализма; мы уверены, что кроме рабочих организаций, никто, никакая политическая партия, в том числе и анархо-коммунистическая, не способна построить социализм. Из этого исходя мы строим нашу критику и оценку большевистского режима и постоянно требуем освобождения профсоюзов из-под кабалы компартии, как единственного способа организовать рабочее сопротивление и вернуть русскому пролетариату его политическую и социальную мощь.

Теперь другой момент — как мы сочитаем лозунг освобождения профсоюзов с другим лозунгом, брошенным к анархистам — «организуйтесь»? Для нас в этом сочетании нет никакого противоречия. Нас удивляет, что французские революционные синдикалисты не остановили своего внимания на колоссальных социальных и политических переменах, которые произошли в мире со времени войны и которые неминуемо отразившись на жизни рабочего класса, должны были отразиться и на тактике синдикализма. Для того чтобы правильно оценивать события следует прежде всего не закрывать глаз на истину. Для кого является секретом, что в рабочем классе Запада, а может быть и России, сильно развились реформистские тенденции. Правда, мы знаем, что в этом есть большая вина изменивших вождей, и что реформистски настроенные рабочие при наличии революционной ситуации поворачивают налево, но все-же отрицать реформистских поползновений в мировом рабочем классе в целом не приходится. А диктатура — фашистская и большевистская — разве не заразила некоторую часть пролетариата верой в силу диктаторского кулака? А крайняя диференциация в идеологии современного социализма, весь идеологический спектр, начиная от правого крыла социал-демократии и кончая анархо-коммунизмом — разве он оставил вне сферы своего влияния рабочий класс? Думать так, значит не считать рабочих мыслящими существами или приписывать им несуществующие у них качества и черты. Как нелепо теперь мечтать о слиянии разных течений социализма, так же невозможно отрицать эту разность идеологий в рабочей массе, а следовательноно и в рабочих организациях. Да впрочем и МТР этого повидимому не отрицает, если оно пошло на образование анархических синдикатов. Но это то по нашему есть самый плохой исход, ибо если синдикат явно анархический, то он может об'единить рабочих только *так* идеологически настроенных. Как же подобный синдикат может претендовать на массовость? С другой стороны страшный опыт повсеместного раскола профдвижения вызывает в самых гущах пролетариата стремление к единству и может, конечно, вернуться время, когда профсоюзы об'единятся. Но лишь тогда когда синдикат действительно массовый и единый и в него входят все рабочие данной профессии, в нем неминуемо проявлены разные тенденции рабочей мысли. В Польше, например, где классовые синдикаты не расколоты эта картина с необыкновенной яркостью проявлена.

Мы, как идейное ядро рабочего класса, отнюдь не стоя вне его, а постоянно живя одной с ним жизнью, хотим распространять среди него наши идеи, которые по нашему являются вековыми идеями и рабочего класса.

не только анархическим принципам вообще, но и только что принятому тексту «хартии».

В орлеанской декларации с самого начала провозглашается, что принцип власти есть корень всего общественного зла, что централизм уже обнаружил свое политическое и экономическое банкродство, что в основу будущего общества должна лечь свободная коммуна и свободная федерация коммун; в свою очередь и сама коммуна должна быть ничто иное, как совокупность различных ассоциаций. Всякий централизм исключается в принципе; общественная организация должна быть достаточно гибкою, чтобы каждая личность в ассоциации и каждая асоциация в федерации пользовалась полной свободой. Все это, конечно, для каждого анархиста — старые истины, и если орлеанская декларация еще раз нашла нужным провозгласить их, то потому, что она хотела познакомить массу с тем, чего хотят анархисты. И всякий был в праве ожидать, что «Статуты» анархической организации будут в соответствии с этими принципами. Однако этого не оказалось: наши французские товарищи, думая, что создают нечто новое, пошли собственно по проторенной другими партиями дорожке.

Во первых, «решения в Анархическом Союзе принимаются по большинству голосов». Этот вопрос о большинстве у нас иногда рассматривается как простая организационная подробность: удобный способ решения вопросов — и только. А между тем он имеет первостепенное принципиальное значение и неразрывно связан с самым понятием безвластного общества. В своей критике государственной организации во всех ее формах, даже самых демократических, анархисты исходят из того положения, что *решения, принятые какою-нибудь группою лиц, не могут иметь обязательной силы для тех, кто их не принимал и с ними не солидарен*, будь то решения большинства для меньшинства или наоборот.

Я не буду, конечно, повторять здесь все те аргументы против принципа большинства, которыми полна наша литература: все они товарищам известны, тем более известны, что они каждый день пользуются ими, когда приходится доказывать фиктивность народного представительства при парламентском строе. Почему же тот принцип, неразумность и несправедливость которого так ясно доказывается, когда дело идет об организации будущего общества, вдруг становится пригодным и по-

В чем здесь смертельная угроза для анархизма, на которую указывает тов. Бенар? Где здесь закабаление профсоюза партией? Какой силой будет обладать анархическая партия, которая никогда не будет стоять у государственного руля, чтоб порабощать профсоюзы? И чем мы являемся меньше синдикалистами, чем сами синдикалисты, если признавая единственно за рабочими организациями право на социальное строительство, мы в то же время хотим им идейно помогать в этом смысле? Ведь теперь синдикалисты не сопротивляются вхождению анархистов в их синдикаты. От анархиста, входящего в синдикат, не требуют, чтоб он перестал *там* быть анархистом. Разница только та, конечно, что входя в синдикат индивидуально, анархисты идейно влияют на манер: кто в лес, а кто по дрова; а мы считаем, что анархисты должны организованно войти в профдвижение и усилить его левое крыло. Есть ли это против или за синдикализм? Несомненно за.

По нашему синдикалистам следует выбрать одно из двух: или совсем не признавать никаких политических организаций, тогда не следует так заботиться о «ложных» и «опасных» уклонах в анархических организациях, как это делает тов. Бенар. Или же признать положительным факт существования наряду с профорганизациями и идейных анархических организаций. Если признать последнее, то следует ратовать за действительные организации, а не за организационные недоразумения. Тов. Бенар делает как раз обратное.

Во всяком случае, тов. Бенару и его единомышленникам вместо того, чтобы кричать о смертельной опасности для синдикализма со стороны «платформистских» тенденций, следовало бы отчетливее осознавать уже существующие в синдикатах идейное влияние государственических партий и ничтожное влияние разбродной и разрозненной анархической мысли. От этого мы думаем, больше бы выиграл синдикализм, а с ним и рабочее дело.

И. МЕТТ.

Переписка с Ромэн Ролланом

Публикуем переписку, которая велась между тов. Лазаревичем и Ромэн Ролланом по поводу опубликованного последним письма «к братьям и сестрам России»

Русские братья и сестры!

Благодарю вас за приглашение. Было бы для меня большой радостью принять участие в ваших юбилейных торжествах по случаю десятилетней годовщины революции, отмечающей новую социальную эру в жизни человечества. Мое расстроенное здоровье не позволяет мне делать длинных путешествий в это время года. Но знайте, по крайней мере, что мыслью я с вами. И примите мое настоящее поздравление

Я был из первых в Европе, приветствовавших русскую революцию в первые дни ее тяжелых состязаний и когда остальные отказывались ее признать. Я сохранил мою верную привязанность к ней, несмотря на глубокие рас-

---

лезным для своей собственной среды? Или большинство *всегда* имеет право на господство, или нужно вообще отказаться от численного критерия истины и искать какого-нибудь другого.

В своем увлечении идеей организации наши товарищи упускают из виду, что, вместо об'единения, подчинение меньшинства создаст только лишнюю внутрипартийную борьбу; вместо плодотворной работы, большая часть сил уходит на завоевание большинства на конгрессах, в комитетах и т.д. И это понятно: внутри партии, при таких условиях, легко жить только членам господствующего большинства: остальные парализованы в своей работе. Вот и в резолюции конгресса французских товарищей: «Меньшинство имеет несомненное право критики и вмешательства во все вносимые предложения, но раз эти предложения приняты и стали решениями, оно не должно мешать их осуществлению на практике». Это значит, что несогласное меньшинство должно молчать, или выходить из партии; и тогда, вместо единой партии, получаются две, обычно более ожесточенные друг против друга, чем против общего врага. А вот еще один пункт: «Никакая критика недопустима вне организации и конгресс Анархического Союза заявляет, что никто не сможет выступать против принятых на конгрессе тезисов на столбцах газеты «Libertaire». Газета «Libertaire» — оффициальный орган Союза и, как таковой, обязана отражать все существующие в союзы мнения и течения. Это — совершенно иное дело, чем орган, основанный группой товарищей, хорошо спевшихся между собой, для пропаганды *их* идей: в таком органе они вправе не допускать никаких противоречивых мнений, потому что он не претендует на роль представителя кого-нибудь, кроме данной группы. Так было с старым «Libertaire'ом», с «Temps nouveaux», со всеми почти органами русской анархической печати. Но когда газета заявляет себя органом Союза Федераций всей Франции, то на нее имеют равное право все члены Союза. И резолюция, принятая на последнем конгрессе, ясно указывает, что право это признается только за большинством.

Нашему анархическому движению, — какие бы упреки ему не делали — нужно отдать справедливость в одном: оно было всегда чуждо конгрессных интриг, искусственной подготовки большинства, разного рода избирательных маневров и т. д. И это — исключительно бла-

хождения с ней, часто выраженные мною с искренностью касательно ее доктрины и политического действия. Больше чем когда -либо, сегодня все империализмы, фашизмы и обскурантизмы, поддерживаемые и питаемые бесчетным демоном наживы, международной спекуляцией, направляют против Социалитической Республики Советов прессу и общественное мнение — и в чем им удалось сильно повлиять на правительство, слабые представители которых суть лишь игрушки в руках денежных властитетлей — в этот час опасности я считаю своим долгом засвидетельствовать вам публично, от имени моих друзей, писателей и мыслителей Запада и от моего лично имени наши братские чувства.

Как бы ни были различны убеждения наших рас и сред, мы с вами и вы с нами. Разными путями мы идем к одной цели. Нас связывает не политическая или социальная доктрина. То, что нас связывает, бесконечно важнее — это общий бог: *Труд*. Мы и вы его сыновья.

Мы ему служим, мы его боготворим. Он кровь земли. Он дыхание наших легких. Он смысл жизни. Перед ним, в нем мы все равны, все братья. И потому что Социалистическая Советская Республика первая учредила царство труда на земле я кричу: «Честь ей! Да здравствует она всегда»!

Братья, споемте вместе в эти дни гимн Труду., единого короля земли. Пусть соединятся в нем руки и дух —вся плодотворная и свободная деятельность тела и мысли. Создадим гармонический улей всех трудящихся! Да не будет трутней между нами. И пусть всеобщая республика человеческих пчел наполнит небо музыкой их крыльев и запахом их золотого меда.

Ромэн Ролан.

Париж, 12-XI- 27 г.

Я прочел Ваше письмо, обращенное к братьям и сестрам России, напечатанное в Юманите вблизи от драматической декламации Коломера, недалеко от громких фраз Вайяна-Кутюрье. Письмо это меня ударило отчасти лично: я не могу забыть, что ваш голос вырывал меня из тисков тюремной камеры, в которой держало меня русское правительство; голос ваш раздался тогда с точностью, которую многие из моих друзей в то время не проявили; я помню, что вы протестовали, признавая за мной право выражать мою мысль, распространяя ее листовками, если нахожу это нужным.

Но особенно Ваше письмо задело меня совместно с русскими рабочими, которые читают его, которые знают, как вы восстали против засаривания могзов со стороны воителей, и которые, несомненно, не понимают вашего последнего выступления, за которое уже ухватились льстецы и авантюристы, скрывшиеся под ярлыком коммунизма, торгаши, забравшиеся в храм.

Недоумение — вот чувство, вызванное вашим письмом у меня и у многих других; найдете ли вы полезным пояснить нам вашу мысль?

Несколько месяцев тому назад вы говорили в вашем ответе Либертэру: «Всякое правительство, будь оно империалистическим, буржуазным, фашистским или коммунистическим неизбежно делает все то, что оно осуждает у противника, и все то, что обрекает его самого на гибель его идеалов, на его провал». А теперь вы заявляете: «И потому что Социалитсическая Республика Советов установила первая на земле его царство (Труда) я кричу: «Честь ей, пусть живет она вечно»

Но ведь все правительства, которые существовали до сих пор, создавали на земле иго трутней, паразитов

годаря господствовавшему в нем до сих пор принципу, что *решения обязательны только для тех, кто их принял*, и не могут быть навязаны тем, кто с ними несогласен. От этого, прибавим, сила этих обязательств и ответственность за них становится значительнее, потому что для каждого *свое* решение ближе, чем то, которое кем-то, где-то принято за него и часто вопреки ему.

Нам, может быть, скажут: «Если товарищи об'единились на хорошо продуманной и разработанной программе, принятой ими *всеми*, то возможные разногласия будут касаться только подробностей и для меньшинства не будет большой жертвой подчиниться большинству». Это далеко не всегда так. Жизнь ставит перед движением каждый день новые вопросы, иногда очень важные но которых нельзя было предвидеть в момент выработки общего соглашения, и вполне возможно, что ответы на них окажутся различными. Вот, например, перед русскими анархистами возникает во время революции вопрос об отношении к махновскому движению; являются разногласия: одни считают повстанчество серьезным народным движением с анархическими лозунгами, которое обязательно поддерживать; другие останавливаются, главным образом, на его военной форме и отрицательно относятся к нему в силу связанных с этою формою элементов власти. Будь русские анархитсы в то время организованы в настоящую «партию», партийный с,езд или предписал бы всем поддерживать повстанчество, или запретил бы участвовать в нем. Удовлетворились ли бы таким исходом те и другие? На деле это было, к счастью, невозможным. Несколько месяцев тому назад возник другой вопрос: в случае внешней войны России, следует ли участвовать в ней и защищать Россию, несмотря на враждебность к ее правительству? Положительный ответ одной группы русских товарищей вызвал резкую оппозицию со стороны товарищей французов; возможно, что и в русской среде не было бы согласия по этому вопросу. Желательно ли при таких условиях механическое решение большинством на каком-нибудь конгрессе, когда это дело совести каждого и его оценки вопросов революции?

С введением принципа большинства и ограничением свободы анархических групп связана еще одна тенденция: поставить все анархические начинания под конт-

и эксплоататоров. Ведь вы об'являли, что коммунистическое правительство неизбежно сделает все то же, что оно осуждало у других противников ; значит оно восстановит также то иго, которое оно обличает с таким пылом у других.

Вы также говорили: « я смею надеяться, что советское правительство будет иметь достаточно разума, чтобы выпустить из тюрем своих товарищей врагов, анархистов, социалистов-революционеров, и что эти последние будут иметь достаточно здравого смысла и великодушия, чтобы забыть свои обиды, чтобы совместно с вчерашними противниками выступить против общего врага».

Русское правительство вам ответило, об'явив амнистию, освободившую уголовных, смягчившую участь белых, но оставившую в тюрьмах как раз тех, за которых вы вступались; действительно, правительственный манифест, исключающий из амнистии «активных членов партий, борющихся за свержение советсткого строя», будет применяться ГПУ, т. е. той самой тайной, административной юстицией, не допускающей контроля рабочего класса, пользующейся как раз этой формулой не только чтобы сажать анархистов в тюрьмы, но чтобы оклеветать их перед тем, как пытать.

Ваше письмо даже не упоминает об этом акте.

Ваши книги, Ромэн-Роллан, поддерживали русский пролетариат во всех наших страданиях, во время войн, блокады, голода; ваши строчки читались искрящими глазами следящими за вашей мыслью, в грязных бараках шахтеров, лесорубов, которым ваше творчество давало силу не оскотиниться, в тюремных камерах, где замурованные рабочие вновь не раз воспряли духом, слыша от вас о глубине социальной борьбы.

И вот теперь ваше письмо ?

Зачем говорить нам, русским рабочим, ожидающим нередко в течении недель и даже месяцев, чтобы получить нищенские заработки царского времени, тогда как наши жены и дети в отчаянии встречают нас, возвращающихся домой без получки;

нам, Ромэн-Роллан, сестры которых работают на торфяных болотах по 12 и 14 часов в день;

нам, таскающим в Москве на автобусах красных паразитов, падая от усталости, по 10 часов сряду;

нам, видящим, как в Ленинграде матери укладывают своих ребят возле машин в духоте заводов, потому что ясли не удовлетворяют даже пятой части потребности;

нам, знающим, что число наших ежедневно искалеченных трансмиссиями и шестернями растет с головокружительной быстротой.

Зачем нам говорить, Ромэн-Роллан, нам, живущим в этих условиях, нам, верящим в вашу искренность, в вашу ясновидность, в вашу проницательность, сверлящую века и пространства, зачем нам говорить, что мы царствуем в России? Зачем ?

Если вы чувствуете, как кругом вас подымается волна варварства, если вы в отчаянии хотите ухватиться за твердую точку опоры, то не обманывайте самого себя; и если Русская революция, которая была этим якорем спасения, на время сломлена, то скрывая это от наших братьев Запада, вы не поможете ее воскресению.

Вероятно, вы действовали по другим побуждениям: западный буржуазный капитализм целиком стережет трудности русского Государства-Хозяина, чтобы отвоевать богатства, вырванные у него в октябре пролетариатом, богатства, отнятые обманом новым хозяином «диктаторами интеллигенции», вы опасаетесь и эо чувство мы разделяем, что пользуясь войной белыет палачи; прогонят новых эксплуататоров, чтобы восстановить свои прежние привиллегии, затопив предварительно в

Роль единой организации, лестничного характера, во главе которой стоит единый Исполнительный Комитет. В статутах, принятых на конгрессе французских товарищей, есть целый ряд постановлений, странно звучащих для нас. Вот, например, группы меньшинства, т.е. несогласные с тактикой, принятой большинством Союза; за ними признается, правда, право критики (*еще* признается, неизвестно, что будет на следующем конгрессе), но с этой критикой они должны обращаться исключительно в Федерацию, к которой принадлежат (и обязательно должны принадлежать, если хотят входить в общий Союз) или в Центральную административную комиссию, «которые одни только компетентны выслушать их и давать им удовлетворение». Иначе говоря, меньшинство не имеет права распространять свои взгляды просто и открыто, даже в товарищеской среде, не говоря уже о публике, а обязано обращаться в ответственную анархическую инстанцию. Точно также, вместо свободной инициативы групп, у нас стремятся ввести повсюду принцип выборности и делегации: никто не должен иметь права предпринимать что бы то ни было, не будучи на это уполномочен организацией. Газета или журнал, например, не могут возникнуть по инициативе какой-нибудь группы или даже личности, а могут издаваться только делегатами общеанархической федерации и проводить только те взгляды, которые приняты на ее конгрессах. Точно также и издательства, и лекции, и клубы и даже касса для помощи заключенным. С первого взгляда такая «организованность» многим кажется очень практичной. На деле такого рода организационные запреты (если бы анархическая среда оказалась способной их принять) совершенно убили бы анархическое движение. В самом деле, вот напр. группа русских товарищей заграницей (вначале может быть всего 2-3 человека) задумали создать газету для распространения своих взглядов на задачи анархической работы. Но она не имеет на это права: она должна предварительно списаться со всеми существующими русскими группами и предложить им назначить для редактирования органа своих делегатов. Допустим, что это сделано и делегаты явились; оказывается, что линия поведения будущего органа нравится одним и не нравится другим. Как быть тогда? Передать инициативу в руки большинства? Принятый организационный принцип этого требует, но ини-

крови лучшую часть взбунтовавшегося пролетариата.

Вы остались при мысли верной во время гражданской войны, в течении первых годов революции: в то время восстать против русского правительства это значило невольно помочь буржуазии, борющейся против рабочих.

Сейчас возможно иметь другое поведение: как всегда бороться со всеми фашизмами и демократиями, жаждущими завоевать нефть и руду в России; но вместе с тем восстать против всех тех, которые в этой стране поработили Труд, раздавленный в рудниках и на заводах.

По этому пути честности к самому себе, к классу, частью которого мы являемся, мы пойдем, Ромэн-Роллан, мы, которые можем и хотим продолжать схватку.

Н. Лазаревич.

**
*

Дорогой Лазаревич!

Мое письмо не обращено к правительству. Оно обращено к трудящемуся люду. К нему устремлены все мои симпатии. Если представление, которое я себе делаю об этом народе, вам кажется ложным, обратитесь сначала в Librairie du travail, которая только что опубликовала длинную анкету по аграрному вопросу Guido Miglioli «Le village soviétique». Об,яснитесь с ними.

Если есть некоторая точность в фактах, которые он собрал, то этот колоссальный порыв нового класса, который выступает из берегов, с живостью подавленной веками, эти страшные усилия разум новой социальной конструкций достаточны были бы чтобы принять рево люцию в России, какие бы ни были ошибки и преступления правительств, которые наследовали друг друга в течении 10 лет. Правительства уходят, завоенвания крестьянства остаются.

Вы противоставляете этому показанию ваше.

Я не в состоянии это решить. Втечении 10 лет я получил из России столько сведений, разных, противоречивых даже — из всего этого я делаю заключение, что в этом огромном формирующемся мире, добро и зло перемешаны в гигантских пропорциях. И если вы меня видели всегда протестующим против преступлений, которые доходили до моего сведения, я должен в то же время восхищаться всеобщей инициативой, о которой осведомлен в области народного воспитания, помощи и в социальных действиях. Я не сомневаюсь, что это еще капли воды в степи. Но в 10 лет огромная России, изолированная, борющаяся не может перешагнуть через века. Важно, чтобы она шла вперед, чтобы народ, о котором говорит Miglioli, существовал; не было ли б это островком, находите ли Вы на Западе один такой островок?

Не вмешивайте меня в вашу борьбу партий. Большевики, социалисты, анархисты меня интересуют очень мало, с точки зрения теории. Я не защищаю ни одной партии. Я защищаю (вы это сказали) народы России против всех происков правителей Европы и Америки. И на почве этого я не могу понять что вы свободные люди не заставляете замолчать в себе страдания и злопамятство (будь они тысячу раз основательны.) Единый фронт! Когда я приветствую годовщину дня, который десять лет назад разрушил цепи, я не думаю больше о Сталине, Бухарине, чем оТроцком и Зиновьеве, а если иногда да, то пожалуй о Ленине. Я думал о разбитых цепях, о павшей Бастиллии.

«И теперь к вам » (как говорит мой Камилл Демулен в конце пьесы «13 июля»). Кончайте дело ! Бастиллия снесена, остаются другие Бастиллии. На приступ! На приступ против лжи! На приступ против ночи! Разум победит силу».

С дружеским приветом *Ромэн Роллан.*

циативная группа согласится на это только тогда, если взгляды этого большинства — ее взгляды. В этом случае она просто передает орган в другие руки — что тоже не всегда желательно; в противном случае, она просто отказывается от своего плана. И орган не создается.

Наоборот, когда инициативная группа (или несколько групп) основывают орган на свой страх и риск, его поддерживают те, чьи запросы он удовлетворяет, вокруг него группируются сочувствующие, новые и новые группы помогают распространять его, считая его своим. Другие, несогласные, группировки создают свой орган, и от этого разнообразия печати для анархической пропаганды нет никакого вреда — наоборот.

Группа товарищей хочет наладить издательство книг или чтение лекций. «Кто вам позволил? говорят им. Еще нужно прежде узнать, хотели ли существующие группы поручить вам это дело, да еще одобрят ли они эту программу». Дело останавливается, в группах начинаются дебаты, вырабатываются и обсуждаются всевозможные программы. В результате, так как удовлетворить всех — невозможно, предприятие проваливается и инициаторы надолго теряют охоту предлагать что бы то ни было.

Только незнакомство с жизнью и с историей анархического движения может приводить к таким «организаторским» планам. Все что было создано в нашем движении ценного и прочного, было именно делом групп и личностей, достаточно богатых инициативой, чтоб итти своим путем, не ожидая пока кто-нибудь их на это уполномочит. Таким образом были созданы лучшие органы анархической печати; таким образом была начата пропаганда в профессиональных союзах, давшая в ряде стран блестящие результаты в виде «революционного синдикализма»; таким образом сохранялась последовательная анархическая идея в убежденных и стойких группах, несмотря на все уклонения и увлечения многих в ту или другую сторону. Этой живой инициативы не заменить никакой механической организации; роль организации — облегчать работу личностей и групп, а не подавлять ее. И в анархическом движении — тем более: оно не настолько богато численно, чтоб позволить себе тормозить работу кого бы то ни было и растрачивать даром драгоценные силы. А к этому именно и приведет та тенденция, которая так ярко выразилась на недавнем конгрессе французских товарищей.

N. B. Мне не прислали ни одного номере парижского журнала, воспроизводящего мое письмо. Я о нем знаю только из писем, которые мне писали. Я не получаю l'Humanité и я его не читаю. В продолжении нескольких лет я не имею никаких связей с ней, она хвастала, что прервала со мной сношения; она меня унижала, а теперь не дала об этом ничего знать.

P. S. 17 ноября. В момент отсылки письма я, наконец, получил N от 7 ноября l'Humanité, где воспроизведена мое письмо к русскому народу. Оно мне кажется верным. Мне нечего этому противопоставить.

***

Ромэн Роллану.

Большое спасибо за скорый и подробный ответ.

Я говорил бы неправду, если бы сказал, что этот ответ меня удовлетворил; но я опасаюсь надоесть вам, продолжая не вмеру эту корреспонденцию; поэтому я сначала обращусь к вам с просьбой, которая кажется мне необходимой, а затем изложу вкратце мысли, которые во мне вызвало ваше письмо.

Я продолжаю думать, что русское правительство (а не народ) эксплоатирует ваше письмо в свою пользу; я считаю, что ответ, присланный мне вами содержит об,яснения, которые помешают русскому правительству пользоваться вашим моральным авторитетом; разрешаете ли вы мне опубликовать ваш ответ? Я предполагаю поместить его в «Le Libertaire», «Der Syndikalist», и в «La Révolution Prolétarienne».

Может быть вы желаете из'ять оттуда некоторые пассажи? Может быть вы желаете написать ответ особо предназначенный для рабочей прессы? Само собой разумеется, что я буду ждать вашего разрешения и что тем временем опубликую лишь только мое письмо к вам.

А теперь несколько слов (дабы не злоупотреблять вашим вниманием) о вашем ответе: я не имел времени детально изучить книгу Мильоли. Когда я ее изучу я сделаю ее оценку в группе «La Révolution Prolétarienne» и если они не найдут нужным эту оценку опубликовать, я вам пришлю копию для информации.

Как бы велика не была ценность книги Мильоли «Советская деревня», Милиоли говорит о крестьянах, а я в моем письме к вам писал о судьбе рабочих. Дело здесь не в моих личных впечатлениях. Дело в фактах, почерпнутых из оффициальной советской прессы, в фактах значительных, прошедших через цензуру русского правительства.

Вы говорите в вашем письме «к братьям и сестрам России», говоря о Социалистической Советской республике: «Честь ей! Пусть она живет всегда!». Вы пользуетесь оффициальным титулом, которым пользуется русское государство; легко было смешать и думать, что ваши слова относились не только к русскому народу, но также и к правительству государства. Так же как теперь, когда мы слышим приветствия французской республике, чаще всего мы думаем, что эти приветствия направлены французскому правительству.

Целая серия данных меня заставляет думать, что с точки зрения народного воспитания помощи и солиального творчества втечении последних лет было отступление назад, а не продвижение вперед. Но это придется, конечно, детально доказывать с цыфрами в руках. Я надеюсь это сделать в статьях, или может быть позже в брошюре; если сделаю это и если эта работа может вас интересовать, я обязуюсь вам ее прислать.

В русском вопросе (думается мне), как впрочем во всем социальном вопросе в целом, дело не идет о борьбе партий, но о борьбе классов. Я не вижу возможности

СТАРОЕ И НОВОЕ В АНАРХИЗМЕ

(По поводу статьи М. Корн)

В своей статье тов. М. Корн останавливается главным образом на недавно закончившемся конгрессе Юниона французских анархистов-коммунистов и на принятых этим конгрессом статутах. Но попутно с этим она затрагивает некоторые общие организационные вопросы и делает выводы, несходные с теми, которые положены в основу организационной платформы. Мы поэтому в этом же номере стремимся осветить некоторые спорные вопросы или вскрыть недоразумения.

Нашему понятию партии, как анархической организации, которая возглавляет все революционное анархическое движение, т. Корн противопоставляет старое понятие партии, когда анархисты на самом деле никакой партии не имели, но в то же самое время сходились между собой в общем понимании целей и путей их осуществления. Но в том то-и дело, что такая старая «партия», ограничивавшаяся лишь идейным сходством, но не имевшая организационных форм, соответствовала лишь *начальному периоду* анархического движения, когда последнее лишь только зарождалось, когда пионеры анархизма лишь ощупью подходили друг к другу, без серьезного жизненного опыта, без сурового жизненного закала. Подобную начальную расплывчатую форму движения пережил в свое время и социализм. Однако, по мере развития и заострения социальной борьбы масс оформлялись — организационно и политически — и все те течения, которые так или иначе стремились влиять на исход этой борьбы. Те течения, которые не развивались организационно, не развивались и идеологически и отставали от жизни. Мы, русские анархисты, это особенно почувствовали на опыте двух наших революций — 1905 г. и 1917 г. Будучи вначале революции на передовых боевых постах ее, мы затем, когда наступила полоса строительства ее, неизменно оказывались где-то сбоку ее, вне масс. И это не случайно. Такое положение *неминуемо* вытекало из нашей организационной безпомощности и идеологи

для человека, как бы не был велик его гений, так думать; я думаю, что невольно и несмотря на вашу осторожность, вы увлечены классом интеллигенции и таким образом против пролетариата.

Я вас уверяю в полной правдивости, я сам себя хорошо контролировал и чувствую, что это не сеть личное злопамятство, которое во мне говорит, но выражение негодования со стороны класса, к которому я принадлежу. Впрочем, это чувство не мешает мне, в случае военного выступления стран Запада против России,сделать все, к чему я окажусь способным, чтобы препятствовать этому выступлению; и наоборот, замалчивая язвы и бичи вы приведете этим к раздражению и обескураживанию рабочих Европы и Америки, которые захотели бы выступить против антирусской войны.

Да, остаются другие Бастиллии и когда из них хотят вывести пролетариев, в России, как и повсюду, наталкиваются, в этой стране, как и в других странах, на враждебный класс.

Видя, что вы не говорите совершенно об этой стороне русской жизни, я почувствовал себя обязанным обратить внимание рабочих на этот пункт.

Еще раз благодарен за внимание, примите привет рабочего.

Н. Лазаревич.

**
*

Дорогой Лазаревич

Я не имею никакого основания не желать опубликования письма, которое я вам писал и не желаю ничего сокращать в нем (если вы его публикуете), я хотел бы, что бы вы его дали целиком, не меняя в нем ни слова.

Я повторяю, что я смешиваю «Социалистическую Советскую республику» с народами, населяющимии Россию, а не со Сталином-Рыковым или Троцким-Зиновьевым

Чтобы возразить на ваш пример о Французской республике, который вы даете в вашем письме (от 20.XI), я не смешиваю Французскую республику с правителями, будь то Пуанкарэ или Бриан а под ней понимаю выражение воли французского народа.

Вы мне говорите, что я в своих суждениях нахожусь «под влиянием класса интеллигенции». Мне не кажется, что «интеллигенция» когда-либо высказывала особую симпатию к русской революции. Во всяком случае из французской «интеллигенции» я один (кроме разве Барбюсса), по крайней мере один не-большевик, не-коммунист, не-политик, который говорил за нее, когда представлялся случай.

Но скажите, Лазаревич, вы считаете разве обширный класс крестьян «интеллигенцией»? А я именно класс крестьянства и приветствую в предыдущем письме.

Этот антогонизм между рабочими и крестьянами мне кажется прискорбным. Я не верю в превосходство одного класса над другим и я всю свою жизнь беспощадно третировал свой класс (класс интеллигентов) — в Cleradaut, в La foire sur la Place и в Au-dessus de la mélée и я навлек таким образом неискупаемое злопамятство, от которого терпел и буду терпеть до смерти. Но я не отбрасываю догмы верховенства одного класса (рабочих или крестьян), чтобы признать верховенство какого-нибудь другого класса. И я поверю в рабочий класс только, если вы расширите это понятие на всех вас, которые живут своим трудом и для *своего* труда — как живу также и я.

С дружеским приветом *Ромэн Роллан.*

P.S. Я вас прошу во всем что вы публикуете, вы и ваши друзья, думайте о тех, кто вас слушает, чтоб эксплоати-

---

ческой путанности. Настоящая эпоха, когда на арену социальной борьбы выступают и действуют миллионные массы, требует от анархизма нечто большее, нежели«партия», не имеющая организационных форм и построенная на одном лишь идеологическом прекраснодушии. Эта эпоха требует от нас — от всего анархического движения — прямых ответов на ряд важнейших вопросов социальной борьбы и социалистического строительства, требует ответственности за анархические лозунги и т. д. Но пока мы не будем иметь анархической организации общепартийного значения, до тех пор мы не сможем дать ни этих ответов, ни этой ответственности. Ибо постоянной отличительной чертой нашего движения является то, что в нем нет единства мнения даже по основным вопросам социальной борьбы и строительства. В нем столько же мнений, сколько группп или лиц. Некоторые анархисты называют это разнообразием анархической мысли. Возможно, что это и разнообразие мысли, но такое, с которым борющемуся труду нечего делать, ибо для него разнообразие это является ничем иным, как бестолковщиной. И вот, чтобы вырваться из трясины этой бестолковщины, в которую анархическое движение попало благодаря тому, что оно численно разрослось, но организационно осталось в своей начальной стадии, ему необходимо сделать энергичное и решительное усилие и принять те организационные фромы, до которых оно давно дозрело и без которых оно не сможет уже занять своего места в борьбе за новый мир — формы общепартийной анархической организации. Жизненная необходимость этого нового шага сознается многими анархистами, связывающими судьбу анархизма с судьбой борющегося труда. К сожалению, традиции прошлого, а главное, *отсутствие у анархистов какой бы то ни было организационной школы в прошлом* мешают некоторым товарищам чуять правду сегоднешнего дня, и, к их глубокому трагизму, они берут на себя неблагодарную роль бороться против этой правды.

Тов. М. Корн, сколь мы понимаем, не принадлежит к последней категории. Но она и не в рядах нового движения. Она лишь критически освещаает новое дело и, конечно, тем самым способствует продвижению этого дела вперед.

Перейдем теперь к отдельным пунктам критических замечаний т. Корн. Всем нам известно, что любой здо-

ровать ваши слова против вашего же дела —пользуясь вами и вашими противниками большевиками, чтоб вас истребить ad majorem dei gloriam единственно в пользу реакции фашистской и капиталистической.

Последнее пожелание Ромэн Раллана вполне совпадает с нашим мнением. Мы не раз высказывались на страницах Д. Тр. о том, что большевистская реакция питает капиталистическую реакцию на Западе. Это последнее обстоятельство дает нам двойное основание бороться за отвоевание отнятых прав у трудящихся России. — Ред.

Махновщина и Антисемитизм

Как известно, за последние 6-7 лет, ненавистники движения революционной махновщины настолько разнуздались в своей лжи против движения, что приходится поражаться, как эти люди хотя бы изредка не краснеют за эту ложь.

И характерно, ложь эта против нас, повстанцев-махновцев и против нашего движения в целом об,единила вокруг себя людей различных социально-политических и антиобщественных лагерей: тут путаются разного рода журналисты, писатели, ученые и просто профаны, путающиеся вокруг ученых, есть и мародеры спекулятивного мира, нередко мнящие себя пионерами передовых, даже революционных идей. Изредка встречаются тут и люди, которые называют себя анархистами, вроде Яновского из «Фрае Арбайтер Штиме» — и все эти люди во всех частях старого и нового света хватаются за эту ложь против нас, ложь тех, кому сами не верят, против тех, кого сами не знают. Но все они пополняют ложь эту своими инсинуациями и всюду носятся с нею, всюду кричат против нас, часто не отдавая себе отчета на основании чего они кричат. Где те правдивые данные, которые хотя бы когда-либо могли оправдать этот их истерический и морально бессодержательный и временами дикий крик? То, что все эти люди ни над чем не задумываясь, ничего налету услышанного о нас, махновцах - не проверяя, бесстыдно лгут, нас называя погромщиками—это побудило меня не так давно обратиться через французскую и русскую анархическую прессу к евреям всех стрна с разяснениями того, на чем это вздор построен, и с просьбой указать мне определенно те данные, которые действительно могли бы доказывать факты о том, что руководимое мною в свое время революционное освободительное движение украинских тружеников организовало или поощряло еврейские погромы на Украине.

На это мое обращение «к евреям всех стран» отозвался небызизвестный в своем роде в Париже аполитический клуб «Фобур».

Правление этого клуба как-то оповестило в прессе, что на 23 е июня 1927 г. назначено собрание клуба, на котором, дескать, будет обсуждаться вопрос:«был ли «генерал» Махно другом евреев или он участвовал в убийстве их». Далее пояснялось, что на обсуждение этого вопроса вызван в качестве защитника французский анархист т. Лекуан.

Само собой понятно, что как только эти сведения о

ровый принцип, попав в нездоровые руки, может превратиться в свою противоположность. Так было в наших рядах с принципом федерализма. Под его прикрытием многие группы и отдельные лица, — нередко простые проходимцы, — совершали деяния, позорившие анархическое движение. Вмешательство в таких случаях бывало безрезультатно, так как авторы позорных поступков ссылались на свою автономию, федерализм, позволявшие поступать им самостоятельно по их усмотрению. Конечно, федерализма тут не было никакого, а было лишь его грубое извращение.

То же самое может быть и с рядом других принципов и в частности с принципом анархической партии, если он попадет в неразумные и неразборчивые руки. Вполне возможно, что французские т-щи несколько увлеклись централизмом (хотя для нас это еще не вполне видно), но нельзя не согласиться с тем, что они стремятся выйти из хаоса на здоровый путь *анархической организованности*. Удастся ли им это — это вопрос особый. Правильное разрешение его будет зависеть от ряда причин и в первую очередь от того, найдутся ли во французском движении лица, ясно представляющие себе организационную, политическую и тактическую проблему анархизма, могущие ее формулировать и повести работу в ее направлении.

Крайне несогласна т. Корн с принципом большинства. Мы думем, однако, что споры по этому поводу не столь уже необходимы. В анархической практике вопрос этот давно решен. Всегда почти и везде практические вопросы движения у нас решались большинством голосов. Меньшинство при этом оставалось при своем мнении, но против решения не восставало, и по большей части добровольно шло ему на уступки. И это вполне понятно: иного способа решения вопросов — в организациях деловых практических — быть не может. Его просто нет. В случаях же, когда расхождения между большинством и меньшинством вызваны столь важными причинами, что ни одна ни другая сторона не могут уступить, происходит раскол, несмотря ни на какие принципы и формулы, которых ранее придерживалась организация. Подобное мы сейчас наблюдаем в В. К. П.

Не согласны мы с тов. Корн, когда она говорит, что орган (журнал) отдельной группы может проводить свою определенную линию, орган же общеанархическ. Союза, должен отражать «все существующие в союзе мне-

собрании в клубе «Фобур» дошли до меня, я тотчас же обратился письменно к председателю клуба Польдесу, настаивая на устранении анархиста Лекуана, вызванного без моего ведома клубом по касающемуся меня и движения вопросу. Я просил гр. Польдеса предоставить мне возможность лично выступить перед собранием клуба «Фобур». В результате моей переписки с Польдесом я и выступил в этом клубе 23 июня 1927 г.

Однако, по причине своеобразного метода ведения этого собрания в клубе «Фобург», а также по причине того, что затрагивавший меня и движение махновщины вопрос был последним вопросом этого собрания — времени оказалось мало (было около 11 часов ночи, когда мне дали слово), моя речь на нем была не полна. Кроме введения к ней чисто исторического характера, указывающего правильные источники, пути и средства антисемитизма на Украине, я ничего другого положительного не мог сказать этому собранию.

Враги мои пользуются отчасти этим, отчасти тем, что я связан по рукам и ногам. По полицейским законам я не имею здесь права общаться со своими идейными товарищами французами, а следовательно не могу организовать своего открытого выступления — и гнусно лгут о каком-то суде надо мной в Париже и т. д. Моим врагам, лицемерным защитникам права и независимости еврейского народа, столь ужасно пострадавшего в русской и украинской действительности за последние 30-40 лет, ложная весть а каком-то суде надо мной на руку. Они ее подхватили и раздувают в согласии со своей старой ложью, обличающей меня и движение в организации еврейских погромов.

Но действительно ли это так, как враги наши лгут?

Для украинских тружеников евреев и не евреев известно, что движение, которым я руководил на протяжении ряда лет на Украине, было подлинно трудовым и революционным движением. На своем практическом пути движение это преследовало не раз'единение обманутых, порабощенных и угнетенных тружеников на их рассовые особенности. Оно преследовало об'единение их в один мощный дееспособный революционный союз против их угнетателей и следовательно противоеврейским погромческим духом деникинщины, петлюровщины и врангельщины она не питалась. Организацией еврейских погромов никогда не занималось и не поощряло ее.

В авангарде его — в революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) в целом ряде ее полков было масса еврейских тружеников:

В гуляйпольском пехотном полку имелась рота из более двухсот человек исключительно из еврейских тружеников. Существовала также одна 4-х орудийная батарея, вся прислуга которой с командиром во главе, а также прикрытие, были все еврейские труженики.

Было много еврейских тружеников в руководимом мною в свое время движении таких, которые по своим личным наклоностям считали для себя удобным вливаться в смешанные революционно-боевые части, и они вступали в них. Но все они были свободными бойцами,

---

ния и течения». Ведь орган отдельной редакционной группы является принадлежностью не только этой группы, но и всех тех, кто поддерживает ее идейно и материально. Раз, несмотря на это, все же в нем необходима определенная линия журнала, то тем более такая линия необходима в общесоюзном органе, являющемся гораздо более ответственным перед анархическим движением, чем орган отдельной случайной группы. Конечно, общесоюзный орган должен давать место высказываться меньшинству союза, ибо в противном случае последнее окажется лишенным права голоса. И в этом отношении приведенный т-щем Корн пункт резолюции французских товарищей грешит против прав меньшинства и должен быть изменен. Но давая возможность меньшинству высказать свою точку зрения, общесоюзный орган должен в то же время иметь свою определенную линию, а не являться простым отражателем различных мнений и настроений, возникающих в союзе.

В качестве примера доказывающего, якобы, непригодность общепартийного решения, т. Корн приводит махновское движение, к которому анархисты имели неодинаковое отношение. Но пример этот скорее говорит за настоятельную необходимость анархической партии, нежели против нее. Анархисты по разному относились к махновскому движению, во первых потому, что многие из них совсем не знали этого движения в дни его развития, а во вторых потому, что многие просто бессильны были политически разобраться и ориентироваться в таком большом и самобытном движении, как махновское. Им необходима была помощь серьезного коллектива. И будь у русских анархистов в то время серьезная политическая организация, она несомненно взяла бы на себя *обязанность* тщательно изучить движение и на основании этого изучения установила бы к нему свое отношение. И это было бы более полезно и для анархизма и для махновского движения, чем то неорганизованное хаотическое отношение к махновскому движению, которое русские анархисты проявили в годы развития его. Тоже и с вопросом войны.

Разногласия возможны в таких вопросах и в партиях. И партии нередко в таких случаях раскалываются. Однако, должно считаться правилом, что во всех подобных вопросах следует исходить не из личной совести и личной тактики каждого отдельного анархиста, а из основного направления партийной идеологии, политики и тактики. Лишь при этом анархическое движение в целом может сохранить свою линию поведения и связь с массами.

Организация и принцип делегатства ни в какой степени не препятствуют проявлению инициативы, как думает т. Корн. Наоборот, здоровая инициатива всегда будет поддержана анархической организацией. Организация и тенденция делегатства стремятся не к удалению инициативы, а к замене случайной деятельности случайных лиц организованной работой коллектива. Ведь у нас

добровольно влившимися в революционно-повстанческую массу и вместе с нею и нами честно боролись за общее дело трудящихся. Эти же безыменные бойцы имели своих представителей в органах хозяйства и снабжения всей армии (что можно проверить в Гуляйпольском районе в селах и еврейских колониях).

Все эти повстанцы труженики-евреи находились в повстанческой арми под моим руководством не дни, не месяцы, а годы. Они и являются прямыми свидетелями того, как я, мой штаб и армия в целом относились к антисемитизму и порождающимся им еврейским погромам.

Всякая попытка к погромам или к грабежу у нас пресекалась в корне. Виновники подобных актов всегда расстреливались на месте их совершения.

Так было в мае 1919 г., когда сменившиеся с фронта на отдых крестьяне-повстанцы из села Ново-Успеновки, найдя под еврейской колонией N (или Горькой) два уже разложившихся человеческих трупа и, приняв их за убитых евреями из этой колонии и повстанцев убили в ней около 30-ти человек евреев; мой штаб тот же день выслал комиссию в эту колонию, которая нашла следы: из какого села и кто именно участвовал в нападении на эту колонию. Я лично выслал сейчас же особый отряд в это село, чтобы арестовать в нем всех участников нападения. И главари этого нападения на еврейскую колонию, в числе 6 человек, во главе которых был волостной комиссар большевик, были расстреляны 13 мая.

Так было в июле 1919 г., когда я очутился под ударами Деникина и Троцкого, пророчествовавший в то время своей партии, «что лучше отдать всю Украину Деникину, чем дать возможность развиваться махновщине», принужден был перебросится на правый берег Днепра. Здесь со мною встретился пресловутый атаман Херсонщины Григорьев. Этот атаман видимо тоже наслушался разного вздора обо мне лично и о движении революционной махновщины, пожелал заключить с моим штабом условия о совместной борьбе против Деникина и большевиков.

Переговоры по этому вопросу начались при условии с моей стороны, что атаман Григорьев в течении двух недель представит в мой штаб и Совет Революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) документальные данные, что все те слухи, которые доносились до меня и на которых я из-за отсутствия времени не мог сосредоточить свое внимание, чтобы проверить — слухи об еврейских погромах в Елисаветграде который занимался два или три раза Григорьевым, и вообще об еврейских погромах при его майском походе на г. Екатеринослав — суть неверные слухи.

Правда, Григорьев над этим условием с моей стороны было задумался. Но как военный и хороший стратег, согласился. И в знак того, чтобы заверить меня, что он не мог и не может быть погромщиком, он отрекомендовался мне представителем украинской партии соц. революционеров. А затем, бросив мне обвинение за выпуск в мае мес. от имени моего штаба и Раийон. Рев. Совета против него воззвания, как против врага революции, Григорьев представил мне(опять таки в знак до-

---

сплошь и рядом бывает так, что случайные лица берутся за ответственные дела, которые под силу большой организации, комкают и губят эти дела. Так у нас нередко бывало с изданием газет, журналов, книг, с организацией клубов и т. д. Конечно, никому не возбраняется приступить помимо организации к изданию газеты, но если при этом организация не поддержит его, пусть пеняет на себя: организация вправе вести дело по своему усмотрению и не считаться с капризами отдельных лиц.

Несомненно, многое в анархизме создано инициативою отдельных групп и лиц. Но эта инициатива всегда в той или иной степени поддерживалась существующими коллективами. Иначе и быть не могло. Движение, которое жило бы только созданием отдельных групп и лиц, а само творчеством не занималась бы, быстро выветрилось бы и выродилось. Поэтому одна их важнейших задач нашего движения состоит в том, чтобы создать такие условия деятельности, которые позволили бы каждому работнику анархизма, не только проявлять инициативу, но и расширять ее, сделать ее достоянием всего движения. До сего времени наше движение таких условий не имело ввиду отсутствия общей организации, при которой всякий подлинный работник мог бы приложить свои силы к делу. Общеизвестно, что некоторые участники анархического движения ушли к большевикам потому только, что в рядах анархизма они не могли приложить своих сил к делу. С другой стороны несомненно также и то, что многие революционные рабочие, находящиеся рядах ВКП и разочаровавшиеся в большевистской идеологии, примкнули бы к анархизму, но в виду отсутствия общей организации, с определенным направлением не делают этого.

— Нужна не столь организация, сколь определенная линия поведения и конкретная программа дня, — говорит т. Корн.

Но каким образом возможно то и другое, раз еще нет даже предварительной организации? Даже для того, чтобы только поставить вопрос о программе и линии поведения, уже необходима организация, которая бы взяла на себя обязанность бороться за программу и определенную линию поведения. В настоящее время эту обязанность и взяла на себя Группа Русских Анархистов Заграницей, поддерживаемая рядом рабочих анархических организаций Сев. Америки.

В предварительной работе, ведомой этими организациями, быть может окажутся некоторые ошибки, пробелы. На них следует указать и помочь их исправить. Но то *основное, во имя* чего работают и борются эти организации — выработка определенной программы, определенной политической и тактической линии анархизма, создание общей анархической организации, которая возглавила бы все анархическое движение, — не подлежит никакому сомнению. Это жизненная необходимость для нашего движения.

П. А.

казательства, что он не погромщик) находившихся при нем политических представителей: от Украинской партии соц.-революционеров — Николая Копорницкого, а от Украинской партии соц. демократов — Селянского (он же Горабец) и Колюжного.

Однако, это было время, когда я основной своей боевой частью близко подошел к г. Елисаветграду. По долгу революционера я счел для себя нужным поспешить самому и раньше выяснить, что делал атаман Григорьев в г. Елисаветграде, при каждом разе, когда занимал его.

От пойманных в это время деникинских агентов я узнал, что атаман Григорьев тайно от трудящихся Херсонщины работает против большевиков вместе с деникинцами, координируя действия в согласии с ставкой Деникина.

От жителей г. Екатеринослава и прилегающих к нему сел и от рядовых григорьевцев я узнал, что Григорьев все разы занятия этого города своими партизанами, громил в нем евреев. По его распоряжению и в его присутствии его партизаны убили в этом городе около двух тысяч человек евреев, среди которых погиб лучший цвет анархической, большевистской, социалистической и вообще еврейской молодежи. Некоторые из них даже из тюрьмы были забраны и убиты.

Узнав все это, я тотчас же организовал об'явление «атамана Херсонщины», «социалиста-революционера» в ковычках — Григорьева агентом деникинщины и прямым погромщиком, ответственным за все деяния его партизан и его самого в еврейских погромах.

Таковым Григорьев был об'явлен 27 июля 1919 г. в м. Сентово Александровского уезда Херсонской губ. перед митингом-собранием населения этого местечка и повстанцев, и тут же на площади был растрелян. Факт убийства, как и мотивы, запротоколированы формулой: «Погромщик Григорьев убит ответственными махновцами — Батькой Махно, Семеном Каретником и Алексеем Чубенко. Движение махновщины берет целиком на себя перед историей ответственность за этот факт».

Протокол подписан кроме всех членов совета армии, и представителем от украинской партии соц.-революционеров — Николаем Копорницким.

Примечание: соц,-демократы — Селянский и Калюжный куда то спрятались в минуту убийства Григорьева.

Так же я поступал всегда в отношении погромщиков, которых раскрывал при подготовке погромов или после их совершения.

Не было пощады и грабителям, будь появление их в рядах революционной армии или вне ее.

Так было, например, в августе месяце 1920 г., когда два повстанческих отряда петлюровской национал-шовинистской окраски под командой Левченко и Матьяныша столкнулись с моими частями на реке Орель у Нехворощина и не выдержав нашего окружения, прислали ко мне гонцов с извещением, что они решили сдаться с условием зачисления их в армию повстанцев-махновцев. Я и мой штаб их приняли. Однако, как только мы заметили, что шовинистический элемент этих отрядов занимается грабежами и противоеврейской погромческой проповедью, прямые виновники в этом в селе Аверески Полтав. губ. были сразу же расстреляны.

А через 4-5 дней после этого за подстрекательство повстанцев против евреев в г. Зиньково, Полтавс. губ. был расстрелян и сам командир Матьяныш, а отряд его обезоружен и в большинстве своем удален из армии.

Так было, например, и в декабре мес. 1920 г., когда я со штабом и главными силами армии повстанцев-махновцев, выдержав ряд успешных боев с красной армией Буденного и завершив разгром 11-й дивизии этой армии под местечком Петрово, Александрийского уезда, а затем и 14-й кавдивизии этой же армии с пленением нач дива и всего его штаба. Тогда из 11-й дивизи было много пленных. Часть из этих пленных буденовцев из'явила желание остаться в рядах армии повстанцев-махновцев чтобы вместе с повстанцами бороться с диким политическим комиссародержавием, как они выражались. Проходом по Херсонщине через мест. Добровеличковка (оно же Ревутское), население которого наполовину, если не больше, еврейское — ряд ковалеристов из бывших буденовцев и петлюровцев, наслушавшись в своих прежних армиях разного вздора о махновцах, о их «враждебных отношениях» к «жидам»,» бросились по дворам грабить евреев этого местечка. И как только были они замечены старыми испытанными бойцами махновцами, а других еврейское население нам указало, то все грабители тут же на глазах еврейского населения были растреляны.

Итак, весь свой тяжелый многолетний путь революционная махновщина была постоянной в своем непримиримом отношении к антисемитам и погромщикам: ибо она была подлинно трудовым и революционным явлением в жизни и борьбе революции на Украине.

Н. МАХНО.

ДВА ПРОЦЕССА

Судебный процесс двух итальянских анархистов Сакко и Ванцетти, тянувшийся около семи лет и так трагически закончившийся — смертной казнью последних, — всколыхнул всю рабочую и мыслящую часть Америки и Европы. Многочисленные протесты и забастовки рабочих нагнали вначале страх на буржуазию и ее прислужников, но, однако, такие угрозы, протесты и резолюции против смертной казни, посыпавшиеся со всех концов мира, в самый последний момент не помогли, и американское «правосудие» восторжествовало.

История борьбы рабочего класса знает не мало трагических и кровавых страниц, полных героизма и страдания борцов за правое рабочее дело. Давно уже известно, что капитал и власть имущие видят в анархистах своих

прямых и непримиримых врагов (и не напрасно), и потому они так жестоко и бесжалостно расправляются с ними...

То было ровно сорок лет тому назад... В г. Чикаго, 11-го ноября 1887 г. были повешены четыре анархиста: Парсон, Фильден, Шпис и Энгель.

За что были казнены чикагские мученики? В чем они обвинялись?

В 1886 г. в Америке замечался сильный рост рабочего движения. Организованные американские рабочие вели борьбу за достижение 8-ми часового рабочего дня и готовились вместе с тем к об'явлению всеобщей забастовки на 1-ое мая 1886 г.

Всеобщая стачка была об'явлена во многих крупных промышленных городах Америки. Стачечное движение проявилось с большой силой и быстро расширялось. Всего заметнее оно оказалось в г. Чикаго. Здесь капиталисты были не на шутку встревожены его размахом. Помимо самой по себе стачки, рабочие беспрерывно устраивали здесь массовые митинги, на которых всегда присутствовало по несколькр тысяч человек; — и речи, произносившиеся на этих митингах Парсонсом и Шписом, например, были направлены против капиталистов - эксплуататоров и против капиталистической системы вообще.

Главным требованием, выставленным рабочими в то время, был, как уже сказано, 8-ми часовый рабочий день, который казался тогда почти недостижимым идеалом. И за дело достижения этого идеала чикагские рабочие взялись с большим воодушевлением.

Но чем больше рос энтузиазм среди рабочих, тем свирепее становились капиталисты и их прислужники. Собрания рабочих разгонялись полицией; забастовщики подвергались разным насилиям и избиениям; аресты рабочих стали обычным явлением. И в довершение ко всему этому, капиталистическая пресса подняла сильную кампанию против «агитаторов» —забастовщиков...

2-го мая 1886 г., вблизи одной фабрики, произошла схватка между стачечниками и стачколомами, которая окончилась бы, без кровопролития, если бы в дело не вмешалась прибывшая на место происшествия полиция, которая не замедлила пустить в ход огнестрельное оружие. В результате оказалось несколько убитых и много раненых с обеих сторон.

Вполне понятно, что рабочие были возмущены насилием, совершенным полицией. Они решили созвать массовый митинг протеста, который и состоялся через два дня, т. е. 4-го мая.

На этом митинге говорили Парсон,с Фильден и Шпис. На митинге присутствовал тогдашний городской голова г. Чикаго. Он был здесь с самого начала митинга и, выслушав ораторов, убедился, что созванный митинг — спокойный и мирный по характеру, так как никто из ораторов не призывал рабочих к совершению насилия.

Митинг приближался уже к концу, Фильден заканчивал свою речь, как вдруг 180 полицейских, предводительствуемых полицеймейстром и вооруженных револьверами, ворвались в помещение, где происходил митинг. Полицеймейстер отдает приказ закрыть митинг. Ему отвечают, что митинг мирный и законный. Тем временем вооруженные полицейские выстраиваются в два ряда с целью аттаковать непослушную публику. И в этот момент раздается сильный, оглушительный треск от брошенной кем-то бомбы, уложившей на месте 8 полицейских

Еще большая тревога об'яла капиталистов и властителей г. Чикаго. И они решили воспользоваться этим случаем, чтобы разгромить движение рабочих. В городе начались аресты и избиения рабочих; были арестованы также 8 анархистов, которых обвинили в разных конспирациях и заговорах против американского правительства и, главным образом, в брошенной бомбе, убившей 8 полицейских служащих.

Понятно, что никаких доказательств против обвинения анархистов, причастных, якобы, к брошенной бомбе, не было. Но разве всегда нужны доказательства для обвинения анархистов?... Очевидно, капитал и власть имущие заранее решили судьбу анархистов, и весь знаменитый процесс чикагских мучеников был, таким образом, разыгранной комедией. Виновные или невиновные, но четыре анархиста, из 8 арестованных, были присуждены к смертной казни через повешение. И наши чикагские товарищи умерли как герои, как люди, уверенные в окончательной победе анархического идеала.

Прошло 40 лет со времени чикагской трагедии — казни четырех анархистов. И вот новая трагедия — казнь двух итальянских анархистов.

За что были казнены Сакко и Ванцетти? В чем они обвинялись?

Когда около 8 лет тому назад (в конце 1919 г.) по Америке прокатилась волна Пальмеровской реакции, тяжелые удары которой разгромили много радикальных рабочих организаций; когда по всей стране было арестовано много иностранных радикалов и анархистов, в том числе более двухсот русских, впоследствии депортированных в Россию, в штате Массачузетс, вблизи г. Бостона, были также арестованы двое тиальянских рабочих — Сакко и Ванцетти — по обвинению в совершенно неизвестном для них преступлении — в ограблении и убийстве одного банкирского служащего.

Время тогда было бурное и опасное... Америка находилась в борьбе против Австрии и Германии; она воевала «за демократию» против варваров-немцев...И «демократическая» Америка сразу же показала свою черную, реакционную силу: одним росчерком пера были уничтожены в стране все элементарные св[illegible]боды, [illegible]тированные конституцией: свобода слова [illegible]ти, свобода организации и неприкосновенно[illegible] личности. Понятно, поэтому, что всякий противник войны в Америке считался врагом последней, а «внутренние враги» всегда опаснее внешних... И надо установить, что Сакко и Ванцетти были арестованы и судимы именно как опасные «внутренние враги». Как анархисты и как известные агитаторы среди итальянских рабочих, они выступили также и как решительные противники капитали-

стической войны, а для американских властей этого было достаточно...

В то время почти вся капиталистическая и продажная пресса в стране подняла тревогу и травлю против иностранцев-«агитаторов», против крамольников вообще и против опасных анархистов Сакко и Ванцетти в особенности. И последние были схвачены, судимы и приговорены к смертной казни.

С трудом верилось, что Сакко и Ванцетти, невиновные в приписанном им преступлении, будут казнены. Но в новом рассмотрении судебного дела, в новом процессе им было отказано. И роковое совершилось: ночью 22 августа 192 г. двое лучших и преданнейших друзей рабочего класса были законным образом убиты. И Сакко и Ванцетти — этих жертв кровожадного молоха власти — не стало больше среди масс...Их сожженные трупы превратили в пепел... И умерли наши незабвенные итальянские товарищи, как святые мученики, как убежденные анархисты, уверенные в том, что своей мученической смертью они приблизят день освобождения трудящихся масс от вековечного гнета капитала, власти и закона.

Законное убийство Сакко и Ванцетти не пройдет бесследно... История никогда не забудет этого жестокого преступления, совершенного американскими капиталистами и властителями над двумя невиновными рабочими.

**
*

Процесс и мученическая смерть двух итальянских анархистов во многом напоминают процесс и мученичество чикагских анархистов: и те и другие были невиновны, но пали жертвами капиталистической конспирации — погибли только потому, что были анархисты и верили в светлый идеал анархической жизни.

Л. Липоткин.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

...Что мне тебе писать о здешней ситуации? Могу сказать одно: наши правители делают все от них зависящее, чтобы нас убедить, что мы живем хорошо, что нас ожидает Эльдорадо. Но тем не менее трудно в этом убедить рабочего; наоборот, я тебя уверяю, что чем больше они стараются это доказать, тем больше он остается при своем убеждении, что дела плохи, что так не может продолжаться дальше.

Недоставало в этом хоре только голоса Барбюса! Но этот последний голос кажется таким фальшивым для тонкого русского уха, что он приелся всем; всюду говорят, что это плут, словом короче говоря, рабочие не церемонятся с этим писателем.

Очень трудно дать конкретную оценку экономического положения индустриальных рабочих, принимая во внимание недоверие к официальной статистике. Каменев, пользуясь цифрами Центрального Статистического Управления хотел показать огромную роль богатых крестьян; на деле эти крестьяне, которых насчитывается только 14% всего крестьянского населения собирают 2/3 всего продаваемого хлеба. Немного времени спустя правительство, базируясь на другие цифры, торжествующе об'явило, что социалистическое хозяйств[illegible]ходится вне опасности; очень просто заменили З[illegible]атистическим Управлением другим более [illegible]. То же было со знаменитым производственным планом, регулирующим промышленность на 5 лет. Так как этот план не вполне утверждал, что жизнь следует предвидениям правящей клики, то очень просто изготовили другой план; и Пятаков, оппозиционер, уступил место Куйбышеву, мастеру на все руки в ВСНХ, верховном органе государства-хозяина.

Что касается «тезисов», «деклараций», «платформ», которые исходят от различных оппозиционных групп, образовавшихся в правящей партии, то они сходятся более или менее на том, что экономическое положение рабочих имеет тенденцию ухудшаться за последние 2-3 года. Напротив, официальная пресса, впрочем единственная здесь существующая, вылезает из кожи вон, чтобы доказать, вопреки цифрам, что зарплата увеличивается постоянно, что цены на все товары в общем падают, что одним словом, все идет к лучшему.

К несчастью, от времени до времени даже в официальной прессе вырываются некоторые данные, которые опровергают это марочение головы; тогда с привычной хитростью, впрочем неискусной, они начинают передергивать цифры, чтоб сфабриковать новую «аргументацию».

Конечно, мы считаем, что в первые годы после 1922 г. отмечалось улучшение; до введения знаменитого нэпа государственный аппарат, претендовавший регулировать всю экономическую жизнь страны, не в состоянии был доставить пролетариату даже черный хлеб в достаточном количестве и подверг рабочий класс своего рода милитаризации, дискредитируя таким образом самую идею коммунизма, чтобы, кто знает сколько лет после нэпа постепенно, в течении последующих лет, могло установиться некоторое экономическое равновесие, характерное для пролетариата слабо индустриализированной страны и разрываемого к тому же паразитическим бюрократизмом. Я не буду останавливаться на том, продолжалось ли это улучшение беспрерывно до настоящего момента; я ограничусь выявлением настоящего положения, пользуясь официальными данными: «Рабочая Газета», популярное издание ЦК ВКП в номере от 10 сентября 1927 г. пишет, что средняя зар-

плата русского промышленного рабочего следующая в рублях:

32.50 в 1913 г.
20.67 в 1924 г.
30.50 в 1926 г.
31.30 в 1926-27 гг.

Как видим, мы еще не достигли уровня зарплаты довоенного царского режима, чтобы себе прдставить, чему соответствовали 32.50 руб., вырабатывавшиеся русским рабочим до войны, достаточно вспомнить, что та же газета констатирует, что это была приблизительно только половина средней зарплаты немецкого рабочего, достигавшей 63.30 руб.Если мы подсчитаем, что русский пролетариат израсходовал в течении этих 10 лет, его бедственное положение в смысле одежды, обуви, мускульной силы и даже здоровья, станет понятно глухое недовольство которое носится и тлеет в рабочем классе; именно это больше вмего занимает наиболее сознательных членов партии, перешедших в оппозицию и испытывающих ту же участь, что и участники других течений рабочей мысли, которые творили Октябрскую революцию.

Чтобы иметь ясное представление о том, что представляет собой жизнь, на которую обречен русский рабочий, я привожу скалу зарплаты, переведенную на рубли соответственно их реальной стоимости по настоящему курсу; таким образом, можно будет ее сравнить с ценами на предметы первой необходимости.

По оффициальным данным, доставляемым «Статистическим Ежегодником» СССР за 1927 г., средняя месячная зарплата русского рабочего без различия пола для первого триместра 1927 г. достигла 59.92 руб. Эта средняя цифра была установлена, принимая во внимание зарплату наиболее низко оплачиваемой индустрии — текстильной (именно 39,47 руб.) и наиболее высоко оплачиваемой, а именно обувных рабочих (77,44 р.)

Важно отметить кроме того, что работницы тяжелой индустрии зарабатывали в среднем в течении всего 1926 г. месячно 39.42 руб., наоборот, рабочий получал 63.79 руб. Можно также констатировать колоссальную разницу, которая существует в зарплате различных отраслей, также огромный контраст между вознаграждением труда женщин и мужчин. Не следует терять из виду, что средние цифры нижеприведенные обозначают только теоретическую среднюю. В действительности каждая индустрия имеет свою зарплату согласно десятиразрядной сетке, введенной легально.

Сравним эти данные с ценами на предметы первой необходимости, чтобы судить о настоящем уровне зарплаты.

Хлеб, например, в Москве продается 32 различных сортов, цена на которые колеблется между 8 и 35 копейками за килграмм.
Рис стоит 40 коп. клграмм.
Сахар — от 62 до 70 коп.
Мука — 27 коп.
Яйца — 53 коп. дюжина
Макарооны — 52 коп. клгр.
Масло от 2 руб. до 2 р. 90 к.
Сыр — 1.24 коп.-1 р.48 к.
Мясо 1-го сорта 88 к., 2-сорта — 73 к. и 3-го сорта 54 коп клгр. Молоко, которое две недели назад продавалось за 18 коп. литр, дошло до 20 коп. на следующей неделе и стоит теперь 22 коп.; впрочем его очень трудно найти в магазинах.

Само собой разумеется, что хлеб в 35 коп. не по карману рабочему, получающему 39 руб.42 в месяц. Также пшеничный хлеб, первосортное мясо, масло могут употребляться только буржуазией и привилегированными чиновниками, получающими жалование, пусть даже по ограниченной максимальной зарплате до 220 руб. в месяц для коммунистов (прибавим, впрочем, что скандальные доходы, получаемые за журнальные статьи, брошюры, книги, могут быть получаемы сверх нормы-максимума) или спецы, часто получающие *тысячу* или даже *две тысячи* рублей в месяц, как это было недавно об'явлено для коммерческих представителей назначенных провинциальными кооперативами, но получающих пребенду в Москве.

Если бы ограничиться ценами, выставленными в кооперативах, которые ниже отмечены, мы рискнули бы не точно определить положение. Это, впрочем и точка зрения «Рабочей Газеты», выраженная следующим образом: «Заметил ли рабочий 10% снижение цен, которое мы декретировали. Надо сказать, что он их полностью не выиграл. Дело в том, что необходимые расходы на пропитание рабочей семьи очень быстро изменились. Цены на сельско - хозяйственные продукты повысились за последнее время на половину; мало по малу все продукты питания концентрируются в жадных руках частных коммерсантов. Достаточно отметить, что кооперативы доставляют только 13 1/2 % всех продуктов пропитания — мяса, овощей и других наиболее необходимых предметов. Для некоторых товаров частники доставляют 80-90% всего продаваемого количества. Понятно, что при таких условиях лавочник надсмехается над нашей попыткой понизить цены. Что выходит из этого? Достаточно понизить цену какого-нибудь товара, чтоб не найти его больше в кооперативе. Наоборот, он имеется в частной торговле при условии заплатить за него надлежащую цену. Русская пословица «Хоть близок локоть, но не укусишь», остается правильной.

Так, общая ситуация разрушает в действительности также 10% понижение цен, как и вышеприведенный уровень цен, оффициально об'явленный.

Квартирная плата, расходы по отопл[illegible], освещению, пользованию водой также обремен[illegible] ный бюджет рабочего; несмотря на [illegible] стему распределения соответствен[illegible] и социальному положению, в сре[illegible] ходуется на квартиру.

Анализ этих данных мог бы уб[illegible] натика, что положение рабочего [illegible] оставаться печальным. Рабочий, и[illegible] жет с трудом прокормиться и куп[illegible] чтоб одеваться чисто, ему нужно от[illegible] Отсюда положение приниженности, ре[illegible]

пессимистом, отчаивается, не видя возможности какого-либо значительного улучшения; к тому же рабочий расходует часть нищенского заработка на водку, от которой правительство получает баснословные доходы.

Положение еще более осложняется бичем безработицы: 2 миллиона безработных, оффициально зарегистрированных, из них на одну только Москву приходится 200.000. Что еще хуже, это то, что даже оффициальная статистика признает, что на 185.000 безработных, зарегистрированных в столице к концу 1926 г. едва треть получила помощь. Важно отметить бессознательность, с которой правители разбирают этот вопрос. Так «Рабочая Газета» от 5 октября кончила длинную статью в ответ оппозиции (которая позволила себе утверждать, что с 1924 г. безработица развивалась скорей, чем раньше), доказывая смехотворными цифрами, что число безработных в течении последних 21 месяца после 1923 г. возросла на 122%, в продолжении следующих 21 месяца она 45 %, а за последний год она прогрессировала *только* на 18 %. По поводу этого важного вопроса с поразительной несознательностью предлагаются на обсуждение рабочего метафизика цифр и аргументов.

Иногда правительство идет дальше, оно применяет административные меры. Власти замечают, что проститутки кишмя кишат по улицам Москвы и Ленинграда; схватывают массами эти жертвы, чтоб отправить их в отдаленные концентрационные лагеря. Через некоторое время новое молодое тело приходит на смену только что исчезнувшему. То же с безпризорными детьми; ни одна столица мира не видит столько грязных шныряющих детей, бродящих, алчных и больных. Сколько раз применялись административные меры, чтоб покончить с этим злом? И между тем никогда не решают вопроса; ни обычная метафизическая фразеология, украшенная цифрами, ни террор не дадут ничего рабочему.

В этой стране, несмотря на так называемую советскую этикетку, так же как и в других странах рабочий может добиться чего-либо только борьбой.

**
*

За последнее время здесь политическая жизнь вновь загорелась; в пределах возможного я в ней принимаю участие. Что особенно привлекает мое внимание, это замечательное явление ускоренного превращения, которе происходит внутри русской общественной жизни. В то время как еще несколько месяцев назад, когда го- [illegible]ли о т[illegible]оре надо было сделать умственное уси- [illegible]вить себе, что это обозначает, то сей- [illegible]ние. В экономической области это [illegible]вным образом уже в течении не- [illegible]еской же оно, даже для оффици [illegible]ь лишь за последние месяцы [illegible]ксизма. Конечно, для нас, вви- [illegible]ас же после октября Советы бы- [illegible]союзы покорены, революционеры, [illegible]идая новое общество, раздавлены [illegible]ативами трудящихся, для нас не [illegible]о сомнения по поводу возможного исхода; но для массы, стоящей вне партии, как и для сочувствующих коммунистам, положение не было так ясно. Теперь же повторяю дело совершенно иначе. Все сознают, что нам предстоит ряд долгих, грустных и пустых лет, в течении которых будет царствовать полубуржуазная, централистическая и тираническая система, содержащая в себе все зародыши прежних экономических противоречий, *с добавкой к тому новых*. Теперь для всех ясно катастрофическое банкротство парадоксальной экономически и политически системы. И следствивием этого краха и произошел крах и самой партии.

Вчера исключили Троцкого и Зиновьева из партии; сегодня смотрел «Рабочую Газету» и нашел лишь агитацию, подготовляющую публику к этой новости; вероятно, опубликуют завтра. Но следующие строки более красноречивы, чем все остальные: «так как в 1927 г. новых рабочих в промышленности будет принято меньше, чем в прошлые годы, а приток из деревень остается прежним, возможен некоторый рост безработицы в новом году». Чтобы поправить положение, основываются фонды помощи, хотят пересмотреть пятилетний план. Бедные планы, созидаемые, поправляемые, разрушаемые; никто им больше не верит; недоверие достигло своего максимума. С помощью оппозиции, вынужденной говорить кое-какую правду, недоверие принимает катастрофические формы.

Конечно, мы не даем себя обманывать траго-комическими жестами заходящих звезд; «они обвиняют положение, которое они сами создали», как правильно мне сказал один видный иностранный коммунист.

**
*

10 октября нами получено было известие из Москвы о забастовке, распостранившейся почти на всю текстильную промышленность Иваново-Вознесенска.

**
*

Что происходит в ВКП

Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что борьба, идущая между Центр. Комитом партии и его оппозицией ведется на почве глубокого буржуазного перерождения большевизма, как партии и как власти. Практика нэпа, вытеснившая из круга большевиков какие бы то ни было пролетарские задачи и показавшая международному труду вместо социалистического знамени отвратительную морду ублюдочного капитализма, роковым образом привела большевизм к необходимости завершить начатое им дело капитализации революционной России. Созревшие за шесть лет нэпа новые собственнические группы, производившие вместе с властью «восстановление » капиталистического хозяйства за счет рабочих и бедных крестьян, мощно двигают на путь дальнейшего и полного притом восстановления капитализма. Власть полностью идет им навстречу, как потому, что огромный процент этих новых собственников находится в ее собственных рядах (руководители госпромышленности, партийные и государственные тузы и т. д.

так и потому, что иного пути она уже не имеет перед собой. Естественно такое сползание партии к капитализму, не могло не вызвать оппозиции среди тех ее членов, которые судьбы своей партии связывали с международной революцией. Троцкий, бывший после Ленина самым большим большевистским деятелем октябрьского переворота, возглавил эту оппозицию. К нему примкнули Зиновьев, Преображенский, Каменев, Серебряков и ряд других старых большевиков. Несмотря на заслугу с славу в прошлом этих лидеров большевизма, а также на превосходство их аргументации в сравнении с аргументами ЦК, они все время остаются в ничтожном меньшинстве. Это служит лучним доказательством того, что нынешний аппарат партии и власти ни о чем и слышать не хочет, как о доведении своей линии до конца, т. е. до настоящего размещения общественных функций между классами: *трудящимся труд*, организаторам т.е. *новой буржуазии руководство*, *плюс* то, что недоплачено рабочим согласно капиталистическому закону о «прибавочной ценности».

Яркую картину того, что творится в ВКП и как глубоко зашел ее развал, дает речь Троцкого на пленуме Ц.К. Центр. Контрол. Комиссии, на том самом пленуме, который исключил и Троцкого и Зиновьева из Центрального Комитета.

В виду ее огромного политического интереса, приводим эту речь, как она была напечатана в «дискуссионном листке» N2 :

«Вы хотите нас исключить их Ц.К.? Мы согласны, мера эта полностью вытекает из курса нынешнего руководства в данной стадии его развития, вернее — его крушения. Правящая фракция, которая исключает из партии сотни и сотни лучших партийцев, аппаратная фракция, которя осмеливается таких большевиков, как Серебряков, Преображенский, Шаров и др., т.е. которые одни могли бы создать секретариат партии, неизмеримо более авторитетный, более подготовленный, чем нынешний наш секретариат ; фракция Сталина, Бухарина, которая сажает во внутреннюю тюрьму ГПУ таких партийцев, как Нечаев, Штыкгольд, Васильев, Шмидт, Фишелев и др.; аппаратная фракция, которая держится насилием над партией, удушением партийной мысли, дезорганизацией пролетарского авангарда не только в СССР, но и во всем мире, насквозь апортунистическая фракция, в хвосте которой за последний год шли и идут Чан-Кай-Ши, Фенг-Ю-Сянг, Персели, Хиксы, Бантилеты, Гейнц-Нейманы, Рафесы, Мартыновы, Кондратьевы и Устряловы... *Петровский*. — Возмутительная речь. Меньшевистская речь. Ужас прямо. *Скрыпник*. Каки гнусности вы говорите, Троцкий. *Троцкий*. — ...эта фракция не может нас тепреть в ЦК даже за месяц до с'езда. Мы это понимаем. Нашу платформу спрятали, вернее пытались спрятать(*Шум*). *Бабушкин*. — Это вас надо спрятать. *Скрыпник*. — Что его слушать? Это сплошная руготня против ЦК. *Троцкий*. — ...Страх перед платформой есть страх перед массой. Мы заявили вам 8 сентября, что платформу мы наперекор всем запрещениям доведем до сведения партии. Мы это слелали. Мы эту работу доведем до конца. Товарищи Мрачковский, Фишелев и все другие, кто печатал, распространял нашу платформу, действовали и действуют в полной солидарности с нами, оппозиционными членами ЦК и ЦКК за полной нашей ответственностью (*шум*), политической и организационной.

Грубость, о которой писал Ленин, уже не просто личное качество; она стала качеством правящей партии, ее политики, ее режима. Основная черта нынешнего курса в том, что он верит в всемогущество насилия даже по отношению к собственной партии. (*Шум*). *Бабушник*.— Мелкий буржуа в пролетарском государстве. *Возгласы* — Меньшевик! *Троцкий*. — Средоточием диктатуры пролетариата является центральный комитет нашей партии. При Ленине организационный аппарат партии был подчинен революционной классовой политике мирового масштаба. Правда, Сталин, в качестве генерального секретаря, внушал Ленину опасения с самого начала. «Сей повар будет готовить только острые блюда», так говорил Ленин в тесном кругу в момент 10-го с'езда партии. Сегодня было сервировано здесь одно из таких острых блюд под видом сообщения о военном заговоре. *Возгласы*. — Меньшевик. Довольно. *Троцкий*. — Но при ленинском руководстве генеральный секретариат играл подчиненную роль(*шум*). Положение стало менятьcя со времени болезни Ленина. Подбор людей через секретаря, аппаратная группировка сталинцев получила самостоятельный, независимый от политической линии характер. Вот почему Ленин, взвешивая перспективы своего отхода от работы, подал партии свой последний совет: «Снимите Сталина, который может довести партию до раскола и гибели». (*Шум*). *Степанов-Скворцов* — Старая клевета. *Тальберг*. — Ах ты болтун! Ах ты, хвастун! *Возгласы*. — *Позор! Скрыиник*. — До чего дошел, какая гнусность! *Петровский* — Вы презренный меньшевик! *Калинин*. — Мелкий буржуа, радикал ! *Голос* — Мартов! *Троцкий*. — ...Партия не узнала своевременно об этом совете. Подобранный аппарат спрятал его. Последствия стали перед нами во весь рост. Руководящая фракция думает, что при помощи насилия можно достигнуть всего. *Возгласы*. — Долой Троцкого! Довольно болтать! Нет возможности терпеть подобные вещи! *Троцкий* —Но это коренная ошибка. Насилие может играть огромную революционную роль при условии, если оно подчинено правильной классовой политике. Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками и эсерами дало гигантские результаты. Изго[illegible]
боты, арестовывая, правящая фракци[illegible]
и рублем против собственной парти[illegible]
лой, гнусность, меньшевик, пред[illegible]
бочий партиец боится в собств[illegible]
что думает, боится голосовать в[illegible]
диктатура застращивает партию, [illegible]
ность держать в страхе класс[illegible]
взгляд кажется, будто сталинск[illegible]
бедоносен. Сталинская фракция [illegible]
(Москва, Ленинград), направо (се[illegible]
на самом деле, вся политика це[illegible]

совершается под ударами двух кнутов: справа и слева. Классово-безпочвенная, демократически-центристская фракция качается между двумя классовыми линиями *(ложь, долой)*, систематически слезая на мелко-буржуазную линию, не по прямой линии, а в форме резких зигзагов. Через нынешний аппарат нажимают на пролетарский авангард, укрепившиеся бюрократы, в том числе и бюрократы рабочие, администраторы, хозяйчики, новые собственники, привилегированные интеллигенты города и деревни. *Троцкий.* — Левый юбилейный зигзаг как только дойдет до осуществления, натолкнется на жесточайшее сопротивление в рядах самого большинства. Сегодня обогащайся, а завтра... с кулаков взятки гладки...За спиной крайних аппаратчиков стоит ожидающая внутри буржуазия.

ТРЕБОВАНИЯ АМНИСТИИ

К десятой годовщине октября многие лево-коммунистические органы требовали амнистии для левых пролетарских элементов и в первую очередь для анархистов.

Цитируем «Kommunistische Politik» N 17/18 от окт. 1927.

«За последнее время МОПР и Г. К. П. распространяют слухи о готовящейся к 10 годовщине амнистии для арестованных пролетариев.

Неотложный долг всех пролетарских революционеров — поднять голос и с особой энергией требовать полной амнистии для русского левого пролетарского движения. Но мы питаем мало надежд на удовлетворительное проведение этого плана со стороны советского правительства. Слишком много было за последнее годы примеров бесстыдного иезуитизма, который советский союз применял ежедневно по отношению политических заключенных». Далее они пишут: «...В данном случае мы подчеркиваем, что под требованием освобождения всего левого пролетарского фронта сама собой разумеется и амнистия для анархистов, которые идейно и организационно боролись за освобождение рабочего класса.

На рабочих, оставшихся верными партии, во всех секциях коминтерена лежит теперь двойная ответственность. Они должны приложить теперь все усилия, чтобы вместе с другими революционными рабочими и также анархистами освободить всех соратников октябрьской революции в России. Они должны теперь, после того как партии оффициально вступились за Сакко и Ванцетти, бороться за освобождение русских Сакко и Ванцетти, которые в течении лет и больше заточены и унижены».

«De Tribune», орган коммунистической партии Гол- ... 25/X-27 г. в статье за подписью Генриэ- ... пишет: «Мы выставляем следующие ... дисскуссии для оппозиции) в наци- ... ональном масштабе), никаких ... аспространение амнистии на ... ок, социалистов-революционе- ... стов (кот. отказываются от во-

... абранные отчеты и подписные ... едующий номер.*

САМОЗВАНЕЦ КОЛОМЕР

В «Правде» от 15 ноября была напечатана речь Коломара, произнесенная на Конгрессе друзей СССР.

Коломер говорит: «Я являюсь *представителем парижских рабочих-анархистов*. Товарищи из международного синдикалистского движения знают, что я давно уже являюсь противником диктатуры пролетариата в той форме, как она осуществлена русскими большевиками.

Но принимая во внимание положение во Франции и общее международное положение, я пришел к убеждению, что мой долг и долг всех пролетариев, которые не хотят стать сообщниками международного капитала, заключается в нашем сплочении под красным знаменем СССР». Дальше он говорит: «Мы отлично понимаем, и я это говорю от имени группы товарищей анархистов во Франции, мы отлично видим, что абсолютно невозможно оставаться рядом с вами, не сливаясь с вами и с вашими революционными когортами, под вашим красным знаменем».

В «Правде» от 17 ноября имеется поправка к этой речи: Вместо: «я являюсь представителем парижских рабочих анархистов» надо: «я являюсь представителем рабочих газет Парижа и говорю одновременно от имени всех анархистов, присутсвующих на данном конгрессе, а также от анархической группы «Les insurgés».

Любопытно, как могла получиться *такая* крупная типографская или редакционная ошибка. Но не в *этом* конечно, дело. Наша цель показать русским рабочим фактическую ложь, сказанную Коломером. Он не является представителем ни *французских рабочих анархистов*, *ни представителем рабочих газет Парижа*. Кандидатура Коломера была дважды отвергнута французскими рабочими: один раз на профсоюзном совете корректоров, а другой раз на беспартийном собрании рабочих печатников, которое происходило в кафэ на rue du Croissant, в кавртале; представляющем центр рабочих печатников. Как сообщает « La vie ouvrière » Коломер поехал в Россию, как делегат театральной группы «A réaction», от «Интернационального Союза писателей драматургов» (существующем только на бумаге). Также *Французских рабочих* Коломер не представляет. Также не представляет он ни одной из существующих здесь в Париже рабочих газет. Что же касается его делегатства от имени французских анархистов, то это тоже фактически неверно. От Либертэр'а он давно отстранен, в Union Anarchiste Communiste не состоит больше, в 3-ей C.G. T. не состоит и ею не делегирован. Что же касается группы «Les insurgés», от имени которой он будто говорит, то о ее существовании никто понятия не имеет, так как издавшийся ею полу-индивидуалистический журнальчик уже больше года не выходит.

Коломер представляет самого себя и именно так, а не иначе следует рассматривать его дискуры.

...AL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris